

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

Институт права

(наименование института полностью)

Департамент публичного права

(наименование)

40.05.01 Правовое обеспечение национальной безопасности

(код и наименование направлению подготовки / специальности)

Уголовно-правовая

(направленность (профиль) / специализация)

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (ДИПЛОМНАЯ РАБОТА)

на тему Уголовная ответственность за кражу

Обучающийся

С.Н. Кошкин

(Инициалы Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель

канд. юрид. наук, доцент, О.Е. Репетева

(ученая степень (при наличии), ученое звание (при наличии), Инициалы Фамилия)

Тольятти 2025

Аннотация

Защита собственности составляет фундаментальную задачу уголовного права, а кража остаётся наиболее распространённым преступлением против собственности. Актуальность исследования обусловлена несколькими факторами: во-первых, высокой латентностью и стабильным количественным преобладанием краж в структуре имущественных преступлений; во-вторых, появлением новых способов совершения хищений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий и электронных средств платежа, требующих адаптации традиционных уголовно-правовых институтов; в-третьих, сохраняющимися проблемами разграничения кражи и смежных составов преступлений (грабежа, мошенничества, присвоения), на что указывают правовые позиции Конституционного и Верховного Суда Российской Федерации последних лет.

Цель исследования – комплексный анализ института уголовной ответственности за кражу в российском уголовном праве, выявление проблем правоприменительной практики и формулирование предложений по совершенствованию уголовного законодательства.

Объектом исследования выступают общественные отношения, возникающие в сфере уголовно-правовой охраны собственности от преступных посягательств в форме кражи.

Предметом исследования являются нормы уголовного законодательства Российской Федерации, устанавливающие ответственность за кражу.

Выпускная квалификационная работа состоит из введения, трёх глав, объединяющих десять параграфов, заключения и списка используемой литературы и используемых источников.

Оглавление

Введение	4
Глава 1 Общая характеристика кражи как вида хищения	7
1.1 Понятие и виды хищения	7
1.2 Понятие и признаки кражи в уголовном праве.....	14
1.3 История развития уголовного законодательства об ответственности за кражу	18
1.4 Сравнительно-правовой анализ ответственности за кражу в зарубежных странах	26
Глава 2 Уголовно-правовой анализ состава кражи	31
2.1 Объективные признаки кражи	31
2.2 Субъективные признаки кражи	38
2.3 Квалифицирующие признаки кражи	42
Глава 3 Проблемы квалификации и назначения наказания за кражу	58
3.1 Особенности квалификации кражи и отграничение от смежных составов.....	58
3.2 Назначение наказания за кражу: теория и практика.....	66
3.3 Пути совершенствования уголовного законодательства об ответственности за кражу	75
Заключение	84
Список используемой литературы и используемых источников	86

Введение

Защита собственности представляет собой одну из фундаментальных задач уголовного права, поскольку право собственности является конституционно гарантированным правом граждан и юридических лиц, составляющим основу экономической системы государства. Среди преступлений против собственности кража занимает особое место как наиболее распространённая форма хищения. Статистика Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации свидетельствует о стабильно высоком уровне регистрируемых краж: в 2020 году было зарегистрировано 139576 преступлений данной категории, в 2021 году – 155494, в 2022 году – 165 985, в 2023 году – 156801, в 2024 году – 130017 [31]. Несмотря на некоторое снижение показателей в последний год, кража остаётся доминирующим видом преступлений против собственности, что обуславливает потребность в совершенствовании механизмов уголовно-правового противодействия данному явлению. Значимость исследования кражи определяется не только её количественным преобладанием в структуре преступности против собственности, но и существенной латентностью данного вида преступлений.

Современный этап развития общественных отношений характеризуется появлением новых способов совершения краж, связанных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, электронных средств платежа, дистанционного банковского обслуживания. Эти обстоятельства требуют адаптации традиционных уголовно-правовых институтов к изменяющимся социально-экономическим условиям и выработки единообразных подходов к квалификации преступлений, совершаемых в цифровой среде. Актуальность темы исследования также обусловлена наличием проблемных вопросов разграничения кражи и смежных составов преступлений – грабежа, мошенничества, присвоения найденного имущества. Конституционный Суд Российской Федерации и Верховный Суд Российской

Федерации в последние годы неоднократно обращались к проблематике квалификации краж, что свидетельствует о сохраняющихся трудностях правоприменения и необходимости научного осмысления выработанных правовых позиций.

Цель исследования – комплексный анализ института уголовной ответственности за кражу в российском уголовном праве, выявление проблем правоприменительной практики и формулирование предложений по совершенствованию уголовного законодательства.

Задачи исследования:

- определить понятие и виды хищения в системе преступлений против собственности;
- раскрыть понятие и признаки кражи в уголовном праве;
- исследовать историю развития уголовного законодательства об ответственности за кражу;
- провести сравнительно-правовой анализ ответственности за кражу в зарубежных странах;
- охарактеризовать объективные признаки кражи;
- выявить субъективные признаки кражи;
- систематизировать квалифицирующие признаки кражи;
- определить особенности квалификации кражи и отграничение от смежных составов;
- проанализировать практику назначения наказания за кражу;
- сформулировать пути совершенствования уголовного законодательства об ответственности за кражу.

Объектом исследования выступают общественные отношения, возникающие в сфере уголовно-правовой охраны собственности от преступных посягательств в форме кражи.

Предметом исследования являются нормы уголовного законодательства Российской Федерации, устанавливающие ответственность за кражу.

Теоретическую базу исследования составили научные труды отечественных учёных в области уголовного права, посвящённые проблемам ответственности за преступления против собственности. В работе использованы исследования Д.М. Агаповой, К.А. Амианц, А.В. Боровикова, В.К. Дуюнова, О.П. Ершовой, З.Д. Гаглюева, С.У. Гужвенко, Л.В. Иногамовой-Хегай, И.А. Клепицкого, И.Х. Кунижевой, В.В. Митяева, Г.В. Назаренко, Н.С. Палагиной, М.Ю. Рассказова, Н.А. Селякова, С.Д. Рогова, О.В. Сотниковой, А.А. Телицина, А.П. Титаренко, С.М. Хоменко, В.В. Цылина, Д.В. Шумарина и других авторов.

Нормативную базу исследования образуют Конституция Российской Федерации, Уголовный кодекс Российской Федерации и иные нормативно-правовые акты по исследуемой теме.

Эмпирическую базу исследования определения Верховного Суда Российской Федерации, приговоры и постановления судов общей юрисдикции субъектов Российской Федерации по уголовным делам о кражах, обзоры судебной практики, а также статистические данные о состоянии преступности.

Методологическую основу исследования составили общенаучные методы познания: диалектический, системный, логический, формально-юридический, сравнительно-правовой, историко-правовой, статистический.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в правоприменительной деятельности судов и правоохранительных органов при квалификации краж и назначении наказания, в законотворческой деятельности при совершенствовании норм уголовного законодательства об ответственности за хищения.

Выпускная квалификационная работа состоит из введения, трёх глав, объединяющих десять параграфов, заключения и списка используемой литературы и используемых источников.

Глава 1 Общая характеристика кражи как вида хищения

1.1 Понятие и виды хищения

Правовое регулирование института хищения в российской правовой системе строится на конституционных гарантиях защиты собственности и находит своё развитие в нормах уголовного законодательства. Конституция Российской Федерации, обладая высшей юридической силой, создаёт основы для защиты права собственности. Статья 8 гарантирует равную защиту всех видов собственности, что важно для определения хищений независимо от формы собственности имущества [14]. Статья 35 определяет право собственности через триаду правомочий (владение, пользование, распоряжение) и устанавливает механизмы его защиты [14]. Особое значение имеет часть 3 статьи 35, которая гласит, что лишение имущества возможно только по судебному решению [14]. Данные конституционные положения формируют фундаментальную основу для криминализации хищений и определения их существенных признаков в уголовном праве.

Переходя к уголовно-правовой характеристике хищения, следует обратиться к его легальному определению. Понятие хищения и его формы законодательно закреплены в УК РФ [35]. Примечание 1 к статье 158 УК РФ устанавливает: под хищением в статьях настоящего Кодекса понимаются совершенные с корыстной целью противоправные безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившие ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества [35]. Это законодательное определение представляет собой результат многолетней эволюции уголовно-правовой доктрины и судебной практики, концентрируя в себе ключевые признаки данного противоправного деяния.

Научный анализ структуры легального определения хищения позволяет выявить совокупность признаков, характеризующих это понятие.

А.П. Титаренко и В.А. Овинников справедливо указывают: «Чтобы провести достаточный анализ содержания легального определения хищения, необходимо выделить в нем характеризующие это определение признаки: 1) корыстная цель; 2) противоправность поведения; 3) безвозмездность; 4) изъятие и (или) обращение в пользу виновного или других лиц; 5) чужое имущество; 6) причинение ущерба собственнику имущества или иному его владельцу, что свидетельствует о том, что законодатель в данном определении попытался раскрыть сущность понятия «хищение»» [33, с. 380].

В.К. Дуюнов также выделяет такие признаки хищения, как: корыстная цель; противоправность изъятия и (или) обращения; изъятие чужого имущества; обращение чужого имущества; безвозмездность изъятия и (или) обращения; причинение ущерба собственнику или иному владельцу имущества [10, с. 414-415].

Развивая данный подход, необходимо структурировать выявленные признаки в соответствии с элементами состава преступления. А.В. Боровиков осуществляет подобную систематизацию, отмечая: «Из законодательно определенного понятия хищения, можно выделить следующие признаки: 1) корыстная цель; 2) противоправность; 3) безвозмездность; 4) изъятие и (ли) обращение в пользу виновного или других лиц; 5) чужое имущество; 6) причинение ущерба собственнику имущества или иному его владельцу. Данные признаки можно сгруппировать относительно того, какую сторону состава хищения они образуют. Так, из перечисленных выше признаков, характеризующих хищения, к объективным относятся: чужое имущество, противоправность, безвозмездность, изъятие и (или) обращение в пользу виновного или других лиц, причинение ущерба (характеризуют объективную сторону состава хищений). Субъективная сторона всех хищений характеризуется корыстной целью» [6, с. 46-47]. Подобное разграничение объективных и субъективных элементов хищения имеет важное значение для правильной квалификации преступлений и отграничения их от смежных составов.

В.К. Дуюнов отмечает, что «в уголовном праве России все хищения делятся на формы и виды в зависимости от способа изъятия имущества и от размера похищенного» [10, с. 416].

Рассматривая систему форм хищения, закреплённых в действующем уголовном законодательстве, следует подчеркнуть, что законодатель дифференцирует ответственность в зависимости от способа изъятия имущества. Все эти формы имеют общую цель – противоправное завладение чужим имуществом, однако различаются по характеру действий виновного, используемым способам и последствиям для потерпевшего. В.К. Дуюнов уточняет, что «по первому критерию (способу изъятия) различают шесть форм хищений: кража – тайное изъятие имущества (ст. 158 УК); мошенничество – изъятие имущества путем обмана или злоупотребления доверием (ст. 159-1596 УК); присвоение вверенного имущества; растрата вверенного имущества (ст. 160 УК); грабеж – открытое изъятие чужого имущества (ст. 161 УК); разбой – насильственный способ изъятия имущества (ст. 162 УК)» [10, с. 416].

Каждая из указанных форм обладает специфическими признаками объективной стороны состава преступления, что обуславливает необходимость их детального рассмотрения.

Первая форма хищения, представленная в УК РФ, – это кража. Статья 158 УК РФ определяет кражу как тайное хищение чужого имущества [35]. Сущность тайности заключается в субъективном восприятии виновным своих действий как незаметных для окружающих, независимо от того, были ли они фактически обнаружены. Законодатель устанавливает градацию общественной опасности кражи через систему квалифицирующих признаков.

Переходя к анализу следующей формы хищения, необходимо отметить её специфику, связанную с интеллектуальным способом воздействия на потерпевшего. Статья 159 УК РФ определяет мошенничество как хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием [35]. Ключевым признаком объективной стороны мошенничества выступает введение потерпевшего в заблуждение,

вследствие чего он добровольно передаёт имущество или право на него виновному. Обманные действия могут выражаться как в активном предоставлении ложных сведений, так и в пассивном умолчании о юридически значимых обстоятельствах. Специфика современных общественных отношений обусловила выделение законодателем специальных составов мошенничества. Статья 159.1 УК РФ устанавливает ответственность за мошенничество в сфере кредитования [35]; статья 159.2 УК РФ – за мошенничество при получении выплат [35]; статья 159.3 УК РФ – за мошенничество с использованием электронных средств платежа [35]; статья 159.5 УК РФ – за мошенничество в сфере страхования [35]; статья 159.6 УК РФ – за мошенничество в сфере компьютерной информации [35]. Введение специальных составов мошенничества обусловлено необходимостью учёта особенностей механизма совершения преступления в различных сферах.

Анализ присвоения и растраты как формы хищения требует особого внимания к специфике правового положения виновного лица по отношению к похищаемому имуществу. Статья 160 УК РФ устанавливает ответственность за присвоение или растрату, то есть хищение чужого имущества, вверенного виновному [35]. Отличительной особенностью является наличие у субъекта законных правомочий по владению или распоряжению имуществом до момента совершения преступления. Присвоение характеризуется незаконным удержанием вверенного имущества и обращением его в свою пользу, тогда как растрата предполагает противоправное отчуждение, потребление или использование такого имущества. Часть 2 статьи 160 УК РФ предусматривает квалифицирующие признаки, аналогичные краже, однако дополнительно вводит признак совершения преступления лицом с использованием своего служебного положения, что усиливает общественную опасность деяния [35].

Рассмотрим открытые формы хищения. Статья 161 УК РФ определяет грабёж как открытое хищение чужого имущества [35]. Критерием открытости выступает осознание виновным того обстоятельства, что его действия по изъятию имущества воспринимаются потерпевшим или иными лицами,

способными воспрепятствовать совершению преступления. Часть 2 статьи 161 УК РФ устанавливает квалифицирующие признаки, включающие совершение преступления: группой лиц по предварительному сговору; с незаконным проникновением в жилище, помещение либо иное хранилище; с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия; в крупном размере [35]. Часть 3 той же статьи криминализирует грабёж, совершённый организованной группой или в особо крупном размере [35]. Особую юридическую значимость имеет признак применения насилия, не опасного для жизни или здоровья, который существенно повышает степень общественной опасности деяния.

Наиболее опасной формой хищения законодатель признаёт разбой. Статья 162 УК РФ определяет разбой как нападение в целях хищения чужого имущества, совершенное с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия [35]. Специфика разбоя заключается в конструкции его состава как усеченного: преступление признаётся оконченным с момента нападения, независимо от фактического завладения имуществом, что обусловлено высокой степенью общественной опасности деяния. Часть 2 статьи 162 УК РФ устанавливает квалифицирующие признаки: совершение разбоя группой лиц по предварительному сговору, а равно с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия [35]. Часть 3 предусматривает особо квалифицирующие признаки: совершение преступления с незаконным проникновением в жилище, помещение либо иное хранилище или в крупном размере [35]. Часть 4 статьи 162 УК РФ криминализирует разбой, совершённый: организованной группой; в целях завладения имуществом в особо крупном размере; с причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшего [35]. Градация санкций отражает возрастающую общественную опасность деяния в зависимости от наличия квалифицирующих признаков.

Существенный вклад в формирование единообразной судебной практики по делам о хищениях вносят разъяснения высшей судебной

инстанции. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» [22] и Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» [23] содержат толкования признаков составов хищений, разъясняют спорные вопросы квалификации и способствуют правильному применению уголовного закона. Эти акты играют ключевую роль в преодолении правоприменительных трудностей и обеспечении единства судебной практики.

Помимо деления хищений по формам, законодатель осуществляет их классификацию в зависимости от стоимости похищенного имущества, что существенно влияет на квалификацию и размер ответственности.

В.К. Дуюнов уточняет, что «по второму критерию (в зависимости от размера похищенного) выделяют следующие виды хищений: мелкое (путем кражи, мошенничества, присвоения или растраты при отсутствии признаков преступлений, предусмотренных ч. 2, 3, 4 ст. 158, ст. 1581, ч. 2, 3, 4 ст. 159, ч. 2, 3, 4 ст. 1591, ч. 2, 3, 4 ст. 1592, ч. 2, 3, 4 ст. 1593, ч. 2, 3, 4 ст. 1595, ч. 2, 3 ст. 160 УК – ч. 1 ст. 7.27 КоАП); в незначительных размерах; причинившее значительный ущерб гражданину; в крупных размерах, в особо крупных размерах и хищение предметов, имеющих особую ценность» [10, с. 416].

Дифференциация уголовной ответственности за хищения строится на принципе соразмерности наказания тяжести совершённого деяния. Кражи без квалифицирующих признаков относятся к преступлениям небольшой тяжести, что позволяет применять альтернативные виды наказаний, не связанные с лишением свободы: штраф, обязательные работы, исправительные работы.

Научная доктрина предлагает различные подходы к классификации форм хищения. О.П. Ершова, анализируя формы хищения, отмечает, что «среди форм хищения можно выделить две подгруппы: 1) насильственные формы (разбой, грабеж, соединенный с насилием); 2) ненасильственные формы (кража, присвоение, растрата, мошенничество, грабеж без насилия)»

[11, с. 45]. Н.А. Селяков и С.Д. Рогов предлагают другую систематизацию: «В результате проведенного исследования было установлено семь форм хищения, которые могут быть разделены на две группы: тайные и открытые. Для «тайных» или «условно-тайных» хищений, таких как кража, мошенничество, присвоение или растрата, характерным является обязательный ненасильственный характер изъятия имущества. Для открытых хищений – грабеж, разбой и вымогательство, открытость завладения, как правило, сопряжена с насилием как способом завладения или удержания похищаемого имущества, равно как с угрозой такого насилия. Единственным «ненасильственным» видом открытого хищения является неквалифицированный грабеж, в связи, с чем возникают предложения выделить его в особую «переходную» форму хищения» [29, с. 112].

Таким образом, правовое регулирование института хищения базируется на конституционных гарантиях защиты собственности и получает детальную регламентацию в Уголовном кодексе Российской Федерации. Законодательное определение хищения, закреплённое в примечании 1 к статье 158 УК РФ, содержит совокупность объективных и субъективных признаков, позволяющих отграничить хищения от иных преступлений против собственности. Законодатель дифференцирует формы хищения в зависимости от способа изъятия имущества, выделяя кражу, мошенничество, присвоение, растрату, грабёж и разбой. Градация ответственности осуществляется не только по формам, но и по размеру похищенного, что позволяет учитывать степень общественной опасности деяния и имущественное положение потерпевшего. Система квалифицирующих признаков построена на учёте группового характера преступления, проникновения в охраняемые помещения, применения насилия, использования служебного положения и размера причинённого ущерба. Совокупность указанных положений обеспечивает эффективную защиту отношений собственности и справедливую дифференциацию ответственности.

1.2 Понятие и признаки кражи в уголовном праве

Правовая регламентация кражи как наиболее распространённой формы хищения осуществляется на основе статьи 158 Уголовного кодекса Российской Федерации, определяющей данное преступление как тайное хищение чужого имущества [35]. Законодательное определение выделяет тайность в качестве конститутивного признака кражи, позволяющего отграничить её от иных форм хищения, прежде всего от грабежа и разбоя. Именно характер действий виновного, направленных на изъятие имущества незаметно для окружающих, предопределяет специфику объективной стороны состава преступления и обуславливает особенности квалификации содеянного.

Доктринальное осмысление понятия кражи требует критического анализа существующих в научной литературе подходов к толкованию признаков данного состава преступления. Г.В. Назаренко справедливо обращает внимание на существующие недостатки в интерпретации нормы статьи 158 УК РФ: «Современные публикации, авторами которых являются молодые исследователи, пестрят ошибками толкования, свидетельствующими о недостаточном усвоении понятийно-категориального аппарата уголовного права» [16, с. 87]. Исследователь выявляет типичные заблуждения, включающие неправомерное отнесение грабежа и разбоя к формам кражи, а также ошибочную квалификацию в качестве тайных хищений случаев завладения имуществом у потерпевших, приведённых в беспомощное состояние с использованием психотропных веществ, в частности клофелина. При этом автор апеллирует к разъяснениям, содержащимся в пункте 23 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 года № 29, которое устанавливает, что подобные действия надлежит квалифицировать как грабёж или разбой в зависимости от степени опасности применённого насилия.

Указанные методологические погрешности свидетельствуют о необходимости системного подхода к анализу признаков кражи, основанного на комплексном изучении законодательных норм, судебной практики и доктринальных положений. Точность в определении признаков кражи позволяет избежать ошибок при квалификации преступлений и обеспечивает соблюдение принципа законности в уголовном судопроизводстве.

Структурный анализ состава кражи предполагает последовательное рассмотрение его элементов через призму общих признаков хищения, конкретизированных применительно к тайному способу изъятия имущества. С.У. Гужвенко предлагает комплексный подход к пониманию кражи, указывая: «...кража понимается как: действия, совершенные с корыстной целью; противоправные действия; безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или иных лиц с причинением ущерба собственнику или иным лицам, которые являются владельцами имущества» [8, с. 428]. Данный подход систематизирует основные признаки кражи, выводимые из легального определения хищения, закреплённого в примечании 1 к статье 158 УК РФ, и акцентирует внимание на их взаимосвязи.

Вместе с тем представленная характеристика нуждается в дополнении специфическими признаками кражи, отличающими её от других форм хищения, что требует более детального рассмотрения объективных и субъективных элементов состава данного преступления. Особое значение приобретает анализ объекта и предмета преступного посягательства, поскольку именно они определяют социальную опасность деяния и границы уголовно-правовой охраны.

Исследование объекта преступного посягательства при краже базируется на общетеоретических положениях о структуре общественных отношений, охраняемых уголовным законом. В.К. Дуюнов раскрывает содержание объекта кражи, отмечая, что «основным непосредственным объектом кражи выступают общественные отношения, обеспечивающие реализацию права собственности. В ч. 3 ст. 158 УК дополнительным

непосредственным объектом выступают общественные отношения, обеспечивающие реализацию конституционного права граждан на неприкосновенность жилища. Предметом кражи может быть только движимое имущество» [10, с. 417].

Данное положение соотносится со статьей 25 Конституции Российской Федерации, устанавливающей, что жилище неприкосновенно и никто не вправе проникать в него против воли проживающих в нём лиц иначе как в случаях, установленных федеральным законом, или на основании судебного решения. Конструкция квалифицированного состава кражи с незаконным проникновением в жилище как двуобъектного преступления отражает повышенную общественную опасность деяния, связанную не только с причинением имущественного ущерба, но и с нарушением личной неприкосновенности и психологической безопасности граждан в их жилищах. Относительно предмета кражи исследователь справедливо указывает на его ограничение движимым имуществом, что предопределяется характером действий по изъятию, невозможных в отношении объектов недвижимости. Разграничение движимого и недвижимого имущества осуществляется в соответствии с положениями гражданского законодательства, прежде всего статьи 130 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Центральным элементом состава кражи выступает её объективная сторона, специфика которой определяется способом совершения преступления – тайностью изъятия имущества. Этот признак требует особенно тщательного анализа, поскольку именно от правильного понимания тайности зависит разграничение кражи и грабежа в правоприменительной практике.

Л.В. Иногамова-Хегай предлагает детальную характеристику кражи и её квалифицирующего признака: «Кража (ст. 158) – тайное хищение чужого имущества. Тайность как способ хищения означает, что виновный стремится избежать какого бы то ни было видимого контакта с собственником похищаемой вещи или другими лицами, старается действовать незаметно, скрытно от них. Изъятие и обращение следует считать тайным при сочетании

объективного и субъективного критериев. Первый – та внешняя обстановка, при которой изымается и обращается в пользу виновного или других лиц чужое имущество, второй – осознание виновным объективных условий, при наличии которых совершается хищение» [34, с. 108]. Исследователь обоснованно подчёркивает необходимость сочетания объективного и субъективного критериев при оценке тайности изъятия и обращения имущества. Объективный критерий характеризует внешнюю обстановку совершения преступления, субъективный же отражает психическое отношение виновного к характеру своих действий. Такое двухкомпонентное понимание тайности позволяет избежать упрощённого подхода к квалификации и учитывать все юридически значимые обстоятельства дела.

Л.В. Иногамова-Хегай конкретизирует понимание тайности: «Согласно п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» как тайное хищение следует квалифицировать действия лица, совершившего незаконное изъятие имущества в отсутствие собственника, или иного владельца этого имущества, или посторонних лиц. Тайным признается и такое изъятие (обращение) чужого имущества, которое совершается в присутствии собственника, владельца или других лиц, но незаметно для них (например, карманная кража или кража у спящего человека). Категорией тайности охватываются и случаи, когда хищение совершается в присутствии потерпевшего или других лиц, которые хотя и видят факт противоправного изъятия вещи, но не осознают преступный характер действий виновного, на что рассчитывает и сам похититель» [34, с. 108].

Приведённая позиция демонстрирует многообразие ситуаций, охватываемых понятием тайности, и подчёркивает сложность правовой оценки способа совершения преступления. Особенно значимым представляется последний из указанных вариантов, когда присутствующие лица наблюдают действия виновного, но не понимают их противоправного характера. В таких случаях виновный может использовать форму одежды,

поддельные документы или иные способы введения в заблуждение относительно правомерности своего поведения. Субъективное восприятие виновным своих действий как тайных сохраняется, поскольку он рассчитывает на непонимание окружающими истинной природы его поведения.

Таким образом, юридическая природа кражи характеризуется совокупностью взаимосвязанных признаков, вытекающих из общего понятия хищения и конкретизированных через специфический способ совершения преступления – тайность изъятия имущества. Объект преступного посягательства образуют общественные отношения собственности, а в квалифицированных составах дополнительно охватывается неприкосновенность жилища. Предметом кражи выступает движимое имущество, обладающее экономической ценностью. Объективная сторона состава преступления характеризуется тайным способом изъятия и обращения чужого имущества, определяемым через единство объективного критерия (внешняя обстановка совершения преступления) и субъективного критерия (осознание виновным тайности своих действий). Субъективная сторона кражи выражается в прямом умысле и корыстной цели, направленной на незаконное обогащение. Правильное понимание содержания признаков кражи имеет важное значение для её отграничения от смежных составов преступлений.

1.3 История развития уголовного законодательства об ответственности за кражу

Изучение исторической эволюции норм о краже имеет важное значение для понимания современной системы уголовно-правовой охраны собственности. Анализ законодательных изменений различных эпох позволяет выявить логику развития юридической мысли в сфере противодействия имущественным посягательствам, проследить трансформацию представлений о степени общественной опасности тех или

иных форм хищения, а также оценить влияние социально-экономических и политических факторов на формирование уголовно-правовых институтов.

И.А. Клепицкий обоснованно отмечает: «Древнейшее преступление – это не хищение, а воровство-кража, тайное изъятие чужого имущества из владения его хозяина с целью его присвоения для себя или другого лица» [12, с. 23]. Истоки правовой регламентации ответственности за кражу восходят к древнейшему памятнику отечественного права – Русской Правде. В этом документе отсутствует понятие «хищение» в его современном понимании, однако законодатель активно использует термины «воровство», «крадет», «украдет» для обозначения противоправного завладения чужим имуществом. Примечательно, что Русская Правда различала несколько видов имущественных посягательств, рассматривая каждое из них как самостоятельное преступление. Наиболее подробной регламентации подвергалась именно кража (татьба), что свидетельствует о её распространённости в древнерусском обществе и повышенной общественной опасности. Законодатель дифференцировал ответственность в зависимости от предмета кражи: более строгое наказание предусматривалось за кражу коней, церковного имущества, имущества из княжеских владений.

Дальнейшее развитие уголовно-правовых норм о краже происходило в условиях укрепления государственности и усложнения общественных отношений. Псковская судная грамота 1467 года продолжила традицию дифференциации имущественных преступлений, впервые разграничила грабёж и разбой по признаку опасности для жизни и здоровья потерпевшего. Это разграничение заложило основу для последующего выделения различных форм хищения в зависимости от способа их совершения.

Качественно новый этап в развитии законодательства о краже связан с принятием Соборного уложения 1649 года. Глава XXI «О розбойных и о татиных делех» впервые установила дифференцированную ответственность в зависимости от объекта посягательства. Законодатель закрепил более строгую ответственность за посягательства на государственную и церковную

собственность по сравнению с боярской или крестьянской, что отражало иерархию ценностей сословно-представительной монархии. Соборное уложение выделяло различные виды краж в зависимости от предмета преступления: воровство лошадей, церковных предметов, хлеба с полей.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года представило детализированное описание видов хищений. Законодатель отказался от термина «воровство», закрепив каждый вид хищения в отдельном разделе соответствующей главы. Такой подход означал переход от казуистического к систематическому изложению норм об ответственности за имущественные преступления. Кража характеризовалась как тайное похищение чужого имущества, что сближает её с современным пониманием данного преступления. Законодатель предусматривал такой способ совершения кражи, как «путём взлома», используемый в качестве квалифицирующего признака. Система квалифицирующих обстоятельств включала: совершение кражи ночью, в церкви, в отношении вверенного в хранение имущества, вещей мертвого, лошадей и рабочего скота. Детальная регламентация различных вариантов совершения кражи свидетельствует о стремлении законодателя предусмотреть все возможные жизненные ситуации, что создавало определённую казуистичность правовых норм. И.А. Клепицкий справедливо замечает: «Современная для российского права триада похищений чужого движимого имущества (кража, грабёж и разбой) была дополнена разбоем, близким к современному его пониманию, лишь в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.» [12, с. 25].

Уголовное уложение 1903 года представило оригинальный подход к систематизации имущественных преступлений. Законодатель объединил кражу и грабёж в единое преступление – воровство, которое могло совершаться тайно или открыто. Уложение 1903 года предусматривало особый состав воровства, совершённого несколькими лицами или шайкой, а также дифференцировало ответственность в зависимости от предмета преступления: предусматривалась повышенная ответственность за воровство

из могилы, вооружения, коня. Данный подход не получил развития в советском уголовном законодательстве.

Революционные события 1917 года кардинально изменили подходы к уголовно-правовой охране собственности. Д.М. Агапова справедливо отмечает: «На начальных этапах своего становления советское государство определило подход к таким понятиям как «имущество», «собственность» и т.д. Первоначально появляются нормы, направленные на охрану собственности, пострадавшей в результате саботажа, спекуляции, контрреволюционных преступлений. Наибольшую опасность представляли посягательства на общественную собственность. Стоит отметить, что на данном этапе в уголовном законе отсутствовали нормы, регулирующие охрану личной собственности граждан и, собственно, защиту самой личности» [1, с. 38].

Д.М. Агапова подчёркивает: «Юридическая ответственность в этот период накладывалась в соответствии с нормами специальных декретов и правовых актов, регулирующих отдельные составы преступлений. Так, в апреле 1918 г. существовало 17 уголовно-правовых декретов и 15 актов, а уже к концу сентября 1918 г. – 55 декретов, 15 постановлений наркоматов, 2 приказа наркомата. Среди норм этих актов отсутствовали положения, регулирующие ответственность за совершение кражи, поскольку само понятие кражи не могло определяться как таковое с уголовно-правовой точки зрения. Однако это не означает, что данный институт уголовного права оставался без внимания. Необходимо заметить, что основной упор уголовного законодателя был направлен на выявление, пресечение и расследование таких преступлений как саботаж, спекуляция, бандитизм и т.д.» [1, с. 38]. Попытка систематизации уголовного законодательства была предпринята с опубликованием 12 декабря 1919 года Руководящих начал уголовного права РСФСР, которые, однако, не содержали конкретных уголовно-правовых норм, направленных на регулирование отдельных видов преступлений, в том числе кражи.

Важной вехой в развитии советского законодательства о краже стало появление понятия хищения. И.А. Клепицкий констатирует: «Слово

«хищение» появляется в российском законодательстве в Декрете ВЦИК и СНК от 1 июня 1921 г. «О мерах борьбы с хищениями из государственных складов и должностными преступлениями, способствующими хищениям». В УК РСФСР 1922 г. оно используется в п. «з» ст. 180, посвящённой краже, который предусматривал суровое наказание вплоть до смертной казни за «хищение из государственных складов, вагонов, судов и других хранилищ, производившееся систематически или совершённое ответственными должностными лицами, или в особо крупных размерах похищенного». Понятие хищения при этом в законе не раскрывалось, но ясно было, что оно охватывало не только похищения чужого имущества (воровство), но и присвоения и растраты, совершённые ответственными должностными лицами, т.е. выходило за рамки воровства» [12, с. 28].

Формирование системной регламентации ответственности за кражу произошло с принятием первого Уголовного кодекса РСФСР 1922 года. Д.М. Агапова отмечает, что «1 июня 1922 г. на всей территории страны вступил в силу первый УК РСФСР, который действовал до января 1927 г. В 1926 г. был издан новый УК РСФСР, пришедший на смену кодексу 1922 г.» [1, с. 38-39]. Оба кодекса использовали понятие «похищение» для характеристики кражи. Статья 180 УК РСФСР 1922 года определяла кражу как тайное похищение имущества, находящегося в обладании, пользовании или ведении другого лица или учреждения. Статья 162 УК РСФСР 1926 года уже определила кражу как тайное похищение чужого имущества.

Д.М. Агапова характеризует систему квалифицирующих признаков кражи в УК РСФСР 1922 года: «Квалифицирующими признаками кражи признаются местонахождение в государственных или общественных складах, хранилищ, учреждений, вагонов, барж и др. или принадлежность имущества частному лицу. Важным считалось использование инструментов, орудий и иных приспособлений при совершении преступления, а также положение обвиняемого по службе, размер украденного (обозначение которого не объясняется) и повторность совершения данного состава» [1, с. 39]. Общее

наказание за кражу составляло лишение свободы сроком до двух лет, однако за кражу государственного имущества лицами, ответственными за него, имеющую систематический характер или совершённую в особо крупных размерах, предусматривалась высшая мера наказания. Д.М. Агапова выделяет особенности уголовно-правовой регламентации кражи в УК РСФСР 1926 года: «В уголовном кодексе РСФСР 1926 г. выделяются конкретные признаки кражи, к которым относятся её неоднократность, использование технических средств при её совершении, преступный сговор. В учёт ставились также местонахождение имущества и должностное положение виновного» [1, с. 39]. Законодатель предусматривал условия освобождения от уголовной ответственности: кража материалов и орудий на фабрике или заводе рабочими этого предприятия впервые при стоимости похищенного не более 15 рублей влекла дисциплинарное взыскание. Меры ответственности стали более конкретизированы: «до двух лет», «до трёх лет».

Особую роль в формировании советской системы охраны собственности сыграло Постановление ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 года «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности». Д.М. Агапова характеризует его значение: «Социалистическое право всегда носило классовый характер. В советские годы хищение социалистической собственности стало основной формой классовой борьбы. Данный нормативный документ был направлен на борьбу с хищениями государственного имущества. Наказанные за такие преступления получали высшую меру и характеризовались законом как враги народа» [1, с. 39]. Это постановление установило исключительно суровые санкции за посягательства на социалистическую собственность, включая расстрел и конфискацию имущества, что отражало идеологические приоритеты государства и явное неравенство в защите различных форм собственности. И.А. Клепицкий критически оценивает последствия этого нормативного акта: «Отсутствие общепризнанного в доктрине и законе понятия хищения, возможность

применения закона по аналогии и политическая составляющая закона (расхитители объявлялись «врагами народа») влекли серьёзные сложности на практике, в качестве хищения могли быть вменены, например, растрата семенного фонда колхоза решением самих же голодающих колхозников (в 1932-1933 гг. от голода в СССР погибли миллионы людей), поломка трактора и т. п. Поэтому доктрине и практике нужно было определиться с понятием хищения, ограничить применение постановления 1932 г. разумными рамками, что и было сделано достаточно быстро» [12, с. 29].

Уголовный кодекс РСФСР 1960 года сохранил классовый подход к охране собственности, отдавая приоритет защите государственной собственности перед личной. Законодатель выделил соответствующие нормы в отдельные главы, что создавало различный режим правовой защиты. В рассматриваемый период законодатель ещё не закрепил легальные определения понятий «хищение» и «похищение». Существенная конкретизация данных понятий была осуществлена в Постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 11 июля 1972 года № 4 «О судебной практике по делам о хищениях государственного и общественного имущества», которое не только раскрывало признаки квалифицированных составов хищений, но и описывало момент окончания хищения, а также признаки единого продолжаемого хищения. Данное постановление играло важную роль в обеспечении единообразия судебной практики.

Д.М. Агапова подчёркивает значение изменений 1990-х годов: «УК РСФСР 1926 г. и УК РСФСР 1960 г. действовали тридцать с небольшим лет» [1, с. 39]. Знаковым этапом в совершенствовании уголовно-правовых норм об ответственности за кражу стал 1994 год, когда в результате редакции Уголовного кодекса 1960 года, упразднившей главу 2, понятие «хищение» стало распространяться и на имущество граждан. В примечании к статье 144 УК РСФСР впервые было раскрыто понятие «хищение», что означало отказ от дифференциации режимов охраны государственной и личной собственности и переход к единому подходу в защите всех форм собственности.

Действующий УК РФ 1996 года объединил основные составы хищений чужого имущества в главе 21 «Преступления против собственности», исходя из единства природы хищений независимо от формы собственности, на которую осуществляется посягательство. Статья 158 УК РФ определяет кражу как тайное хищение чужого имущества, сохраняя преемственность с формулировкой УК РСФСР 1926 года. Д.М. Агапова отмечает динамичный характер развития современного законодательства: «В ныне действующий УК РФ было внесено более 20 обновлённых статей и свыше 500 изменений, что не обошло и ст. 158 УК РФ. Изначально текст изменялся и дополнялся порядка восьми раз» [1, с. 39]. Одним из существенных изменений стало исключение Федеральным законом № 162 от 8 декабря 2003 года из статьи 158 УК РФ такого квалифицирующего признака, как неоднократность. На протяжении всего периода действия УК РФ 1996 года нормы об ответственности за кражу неоднократно корректировались с учётом изменяющихся социально-экономических условий, появления новых способов совершения преступлений. Вводились новые квалифицирующие признаки, изменялись размеры крупного и особо крупного ущерба, дифференцировались санкции.

Вместе с тем современное состояние законодательства о краже не лишено недостатков. И.А. Клепицкий критически оценивает действующее законодательное определение хищения: «Понятие хищения, выработанное в доктрине советского уголовного права и закреплённое в действующем уголовном законодательстве, не отвечает современным требованиям. Будучи чрезмерным обобщением для корыстных преступлений против собственности, оно определяет признаки этих преступлений недостаточно точно, что влечёт правовую неопределённость, неприемлемую для уголовного права» [12, с. 23]. И.А. Клепицкий указывает на генезис проблемы: «Советское понятие хищения, порождённое постановлением от 7 августа 1932 г., было актуально для советского права, когда имущественные отношения между гражданами после отказа от новой экономической политики и завершения коллективизации радикально упростились. Оно непригодно для рыночной

экономики, основанной на частном праве, где не требуется выявлять врагов народа, но необходимо точно очертить круг наказуемых деяний, признаки воровства, присвоения и мошенничества, исключив применение уголовного закона по аналогии» [12, с. 30]. Эта критическая оценка свидетельствует о необходимости пересмотра традиционных подходов к понятию хищения.

Исторический анализ развития законодательства о краже позволяет выявить несколько закономерностей. Кража неизменно рассматривалась как одно из наиболее опасных имущественных преступлений, при этом тайность как конститутивный признак сохранялась во всех актах, начиная с Уложения о наказаниях 1845 года. Система квалифицирующих признаков эволюционировала от перечисления конкретных обстоятельств к обобщённым критериям повышенной общественной опасности. Советский период характеризовался классовым подходом с приоритетом защиты государственного имущества, от которого современное законодательство отказалось в пользу равной охраны всех форм собственности. Изучение исторического опыта имеет важное значение для понимания современных уголовно-правовых норм и перспектив их развития.

1.4 Сравнительно-правовой анализ ответственности за кражу в зарубежных странах

Преступления против собственности занимают значительное место в структуре преступности как в России, так и в зарубежных государствах. Изучение опыта правового регулирования ответственности за кражу в различных правовых системах позволяет выявить особенности подходов, определить эффективные механизмы противодействия данному виду преступлений и оценить возможности совершенствования отечественного уголовного законодательства. Как справедливо отмечают исследователи, «преступления, которые совершаются против собственности граждан в настоящее время остаются одной из самых распространенных категорий

преступлений отечественного уголовного законодательства» [9, с. 29]. При этом аналогичная ситуация характерна не только для России, но и для многих зарубежных стран, что обуславливает актуальность сравнительно-правового исследования данной проблематики. «В современном мире самым распространенным преступлением, которое совершается против собственности граждан, считается кража» [19, с. 131], что подтверждает универсальный характер данной проблемы для различных правовых систем.

Рассмотрение правового регулирования ответственности за кражу в европейских странах позволяет выделить отличия. Так, уголовное законодательство Испании содержит детальную регламентацию понятия кражи и условий наступления ответственности. Согласно статье 234 УК Испании, кража определяется как «завладение с целью извлечения прибыли предметами, вещами, мебелью без согласия их владельца, если сумма похищенного превышает 400 евро» [9, с. 29]. При сравнении с российским законодательством исследователи выделяют два принципиальных отличия испанского подхода. Как отмечают Н.С. Палагина, Д.В. Бровкин и С.Н. Белова, «если проводить сравнение со ст. 158 УК РФ, следует уделить внимание двум важным отличительным критериям, а именно: отсутствие обязательного признака «тайности» кражи и указание в самой статье суммы ущерба, которая будет отграничивать кражу от проступка» [19, с. 132]. Важной особенностью испанского законодательства является дифференциация ответственности в зависимости от стоимости похищенного имущества: кражи на сумму менее 400 евро квалифицируются как проступки и влекут административную ответственность, тогда как хищения на большую сумму образуют состав преступления с наказанием в виде лишения свободы на срок от 6 до 18 месяцев. Примечательным является положение испанского законодательства о систематическом совершении мелких краж. «В случае совершения трех проступков в виде кражи на сумму не более 400 евро в течение одного года, действия лица надлежит квалифицировать как кражу и применить к нему меры уголовной ответственности, предусмотренные п. 1

ст. 234 УК Испании» [9, с. 29]. Данный подход направлен на противодействие систематическому противоправному поведению и предупреждение рецидива. Н.С. Палагина, Д.В. Бровкин и С.Н. Белова особо подчеркивают значимость данной нормы: «Отметим важную особенность, заключающуюся в том, что Кодекс предусматривает перекалфикацию проступка в преступление» [19, с. 132]. Статья 235 УК Испании содержит специфические квалифицирующие признаки кражи, существенно отличающиеся от российского законодательства. Исследователи отмечают, что при этом «рассмотренная статья не закрепила привычные для нас квалифицирующие признаки кражи: по предварительному сговору, кража из помещения или иного хранилища, кража из жилого помещения и т.д.» [19, с. 132]. В то же время испанское законодательство выделяет такие специфические признаки, как хищение вещей первой необходимости или создание для потерпевшего тяжелой жизненной ситуации [19, с. 132].

Уголовное законодательство Болгарии демонстрирует иной подход к конструированию состава кражи и определению санкций. В статье 194 УК Болгарии кража определяется через изъятие чужой движимой вещи из владения другого без его согласия с намерением противозаконного завладения ею, при этом максимальное наказание составляет лишение свободы до восьми лет. Болгарское законодательство содержит обширный перечень квалифицирующих признаков, существенно отличающихся от российских. В частности, согласно статье 195 УК Болгарии, отягчающими обстоятельствами признаются совершение кражи во время стихийных бедствий, общественных катастроф или военных действий, хищение вещей, не находящихся под постоянной охраной, использование технических средств или специальных способов, а также кража из могилы покойника. Особого внимания заслуживает система санкций в болгарском уголовном праве. Исследователи отмечают, что «самым суровым наказанием за кражу можно считать лишение свободы от трех до пятнадцати лет в случаях, когда преступление совершено в крупных размерах» [9, с. 29]. Кроме того, уголовный кодекс предусматривает

возможность применения дополнительных мер воздействия: «предусмотрено право суда определить конфискацию имущества, но не более половины от общего количества с назначением обязательного поселения» [9, с. 29].

Французское уголовное законодательство характеризуется рядом существенных особенностей в регулировании ответственности за кражу, отличающих его как от российской, так и от иных континентальных правовых систем. Как отмечают исследователи, французский УК «предусматривает предметом кражи энергию» [9, с. 29], что является прогрессивным подходом, учитывающим современные формы общественных отношений. Значимым отличием является также то, что «в диспозиции статьи о краже в УК Франции нет указания на тайность в качестве способа изъятия» [19, с. 133].

Особенностью французского уголовного права является отнесение к краже деяний, совершенных с применением насилия. Исследователи подчеркивают, что «хищение, совершенное с применением насилия, отнесено к краже» [9, с. 29], в то время как в российском законодательстве такие действия образуют самостоятельные составы грабежа или разбоя. Кроме того, французское законодательство содержит специфическое положение о круге потерпевших: «прямые родственники лица, которые совершили кражу, а также супруги не могут быть признаны судом потерпевшими» [9, с. 30], что отражает особый подход к семейным отношениям в уголовном праве.

Французское законодательство различает простую и отягченную кражу. Положения о простой краже определяют её как «обманное изъятие вещи другого лица, а также обманное изъятие энергии, причинившее вред другому лицу, совершенное без отягчающих обстоятельств» [19, с. 133]. Такая кража наказывается тремя годами лишения свободы и штрафом в размере 45 тысяч евро. Квалифицирующие признаки отягченной кражи во французском праве имеют свою специфику: в главе I книги третьей УК Франции «приводятся иные квалифицирующие признаки состава преступления» [19, с. 133], включая «совершение ее лицом, обладающим публичной властью» [19, с. 133].

Сравнительный анализ зарубежного опыта регулирования ответственности за кражу позволяет выявить общие тенденции и различия в подходах. Общим является признание кражи как одного из наиболее опасных преступлений против собственности, требующего строгой уголовно-правовой охраны. В то же время различия в конструкции составов, системах санкций и перечнях квалифицирующих признаков отражают особенности правовых традиций, социально-экономических условий и правовой политики соответствующих государств. «Уголовная политика в зарубежных государствах относительно вопросов законодательной регламентации ответственности за кражи, так же, как и в России, направлена, в первую очередь, на защиту права собственности как неотъемлемого гражданского права» [19, с. 133]. Изучение зарубежного опыта может способствовать совершенствованию российского уголовного законодательства.

Подводя итоги первой главы исследования, следует отметить, что проведённый анализ общей характеристики кражи как вида хищения позволяет констатировать, что правовое регулирование данного института основывается на конституционных гарантиях защиты собственности и детализируется в нормах Уголовного кодекса Российской Федерации. Законодательное определение хищения, закреплённое в примечании 1 к статье 158 УК РФ, содержит совокупность объективных и субъективных признаков, позволяющих отграничить кражу от иных форм хищения и смежных преступлений. Специфика кражи определяется способом совершения преступления – тайностью изъятия имущества, оцениваемой через единство объективного и субъективного критериев. Эволюция законодательства об ответственности за кражу демонстрирует переход от казуистического регулирования к систематическому изложению норм, от классового подхода к равной охране всех форм собственности, однако выявляет и сохраняющиеся проблемы, связанные с правовой неопределённостью отдельных признаков состава преступления. Анализ зарубежного законодательства показывает различия в составах кражи, квалифицирующих признаках и санкциях.

Глава 2 Уголовно-правовой анализ состава кражи

2.1 Объективные признаки кражи

Объективная сторона кражи представляет собой совокупность внешних признаков преступного деяния, характеризующих процесс тайного хищения чужого имущества. В теории уголовного права объективная сторона любого состава преступления включает деяние (действие или бездействие), общественно опасные последствия, причинную связь между деянием и последствиями, а также факультативные признаки – способ, место, время, обстановку и средства совершения преступления. Применительно к краже объективная сторона характеризуется рядом специфических особенностей, обусловленных природой имущественных преступлений и конкретной формой хищения.

Центральным элементом объективной стороны кражи выступает специфический способ совершения преступления – тайность изъятия имущества, который отличает данную форму хищения от иных составов преступлений против собственности. Способ совершения преступления при краже из факультативного признака объективной стороны превращается в обязательный, конструктивный элемент состава, поскольку именно он определяет юридическую природу деяния и позволяет отграничить кражу от грабежа, разбоя и иных форм незаконного завладения чужим имуществом.

К.А. Амиянц и И.Х. Кунижева подчёркивают квалифицирующее значение признака тайности, указывая: «Кражу отличает от других форм – признак особой тайности изъятия имущества» [2, с. 823]. Тайность как признак кражи имеет двойственную природу, включая объективный и субъективный критерии. Объективный критерий предполагает фактическое отсутствие наблюдателей или их неосведомлённость о противоправном характере действий виновного, в то время как субъективный критерий основывается на восприятии самим преступником обстановки совершения деяния. Приоритет

субъективного восприятия означает, что деяние может квалифицироваться как кража даже при наличии свидетелей, если преступник добросовестно заблуждался относительно скрытности своих действий или если присутствующие лица не осознавали противоправность происходящего.

Само понятие тайности хищения предполагает скрытность действий виновного от потерпевшего, собственника имущества, иных владельцев или посторонних лиц. Тайность может быть обусловлена различными обстоятельствами: совершением преступления в отсутствие наблюдателей, использованием особых приёмов, делающих изъятие имущества незаметным для окружающих, либо совершением хищения в присутствии лиц, не осознающих противоправность происходящего или не способных оказать противодействие. Важно отметить, что тайность изъятия оценивается не только с точки зрения объективной обстановки, но и с позиции субъективного восприятия виновного, что создаёт определённые сложности при правовой квалификации деяния.

В.К. Дуюнов детализирует понимание тайности изъятия имущества, опираясь на разъяснения Пленума Верховного Суда РФ: «С объективной стороны кража определяется как тайное хищение. Обязательным признаком объективной стороны является способ изъятия имущества – тайный. Исходя из текста постановления Пленума ВС РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» можно сделать вывод о том, что изъятие признается тайным в следующих случаях: а) когда оно совершается в отсутствие собственника или иного владельца этого имущества, или посторонних лиц; б) когда оно совершается хотя и в присутствии названных лиц, но незаметно для них; в) когда указанные лица видели, что совершается хищение, однако виновный, исходя из окружающей обстановки, полагал, что действует тайно (т.е. они себя никак не проявляли и не препятствовали изъятию) (п. 2 Постановления № 29); г) если присутствующее при незаконном изъятии чужого имущества лицо не сознает противоправность этих действий; д) если присутствующее при незаконном изъятии чужого

имущества лицо является близким родственником виновного, который рассчитывает в связи с этим на то, что в ходе изъятия имущества он не встретит противодействия со стороны указанного лица (п. 3 Постановления № 29)» [10, с. 417].

Данная классификация ситуаций, при которых изъятие имущества признаётся тайным, демонстрирует многообразие форм проявления кражи и сложность её правовой оценки. Первая ситуация – изъятие имущества в отсутствие каких-либо наблюдателей – представляет собой классический случай тайного хищения, когда виновный совершает преступление в условиях объективной скрытности. Это могут быть квартирные кражи, совершаемые в отсутствие хозяев, хищения из необитаемых помещений, изъятие имущества в ночное время или в безлюдных местах. В таких случаях совпадают объективный и субъективный критерии тайности: преступление объективно совершается скрытно, и виновный осознаёт эту скрытность.

Вторая ситуация – изъятие имущества в присутствии потерпевшего или других лиц, но незаметно для них – характеризуется использованием виновным особых приёмов или благоприятной обстановки, позволяющих совершить хищение скрытно. Типичными примерами являются карманные кражи, хищения из сумок в местах скопления людей, изъятие имущества, когда потерпевший отвлечён или находится в состоянии сна. Здесь также присутствует совпадение объективного и субъективного критериев тайности, но обстановка совершения преступления усложняется присутствием потенциальных наблюдателей, что требует от преступника большей осмотрительности и мастерства.

Третья ситуация представляет особый интерес с точки зрения соотношения объективного и субъективного критериев тайности. Когда присутствующие лица наблюдают совершение хищения, но не проявляют себя, а виновный, исходя из окружающей обстановки, полагает, что действует тайно, приоритет отдаётся субъективному восприятию. Особое значение имеет указание на субъективное восприятие виновным обстановки

совершения преступления, что подтверждает приоритет психологического критерия при квалификации деяния. Такое положение основано на принципе субъективного вменения, согласно которому лицо должно нести ответственность за те действия, которые охватывались его сознанием и волей. Если виновный добросовестно заблуждался относительно тайности своих действий, его намерения и психическое отношение к деянию соответствуют краже, а не открытому хищению.

Четвёртая ситуация касается случаев, когда присутствующее лицо не осознаёт противоправность действий виновного. Это может происходить при хищении имущества под видом правомерных действий, когда преступник создаёт у наблюдателей впечатление законности своих действий. Например, виновный может изъять имущество, представившись работником службы доставки, сотрудником коммунальных служб или иным уполномоченным лицом. В таких случаях присутствующие лица наблюдают за действиями виновного, но не воспринимают их как преступные, что создаёт субъективные условия для тайного изъятия имущества. Деяние квалифицируется как кража, поскольку виновный осознаёт, что окружающие не понимают истинного характера его действий, и использует их добросовестное заблуждение для совершения хищения.

Пятая ситуация связана с изъятием имущества в присутствии близких родственников виновного, когда он рассчитывает на то, что эти лица не окажут противодействия. Эта ситуация демонстрирует значение субъективного критерия, основанного не только на восприятии окружающей обстановки, но и на оценке виновным характера отношений с присутствующими лицами. Близкие родственники могут осознавать противоправность действий виновного, но в силу семейных связей предпочесть не вмешиваться. Виновный, рассчитывая на такую реакцию, совершает хищение в условиях субъективной тайности, хотя объективно его действия не скрыты от наблюдателей.

О.В. Сотникова акцентирует внимание на практических аспектах квалификации краж, совершаемых в условиях городской среды: «Кража определяется как тайное хищение чужого имущества. Объективной стороной преступления является изъятие чужого материального предмета или законного владения собственника» [30, с. 223]. Исследователь подчёркивает сложности, возникающие при квалификации уличных краж, когда преступные действия замечены третьими лицами, но остались незамеченными для потерпевшего. В таких ситуациях квалификация деяния зависит от совокупности объективных и субъективных факторов, включая осведомлённость виновного о наличии наблюдателей и его оценку вероятности противодействия.

Уличные кражи представляют собой особую категорию преступлений против собственности, характеризующуюся специфической обстановкой совершения – публичным пространством с потенциально большим количеством наблюдателей. Это могут быть хищения в общественном транспорте, на остановках, в местах массового скопления людей, в парках и на улицах. Особенность таких краж заключается в том, что преступник действует в условиях повышенного риска обнаружения, что требует от него особой осмотрительности и использования специальных приёмов, обеспечивающих скрытность изъятия имущества. Неправильная оценка этих обстоятельств может привести к ошибочной переквалификации кражи на грабёж.

Важнейшим аспектом объективной стороны кражи является определение момента окончания преступления. В теории уголовного права момент окончания преступления связывается с полной реализацией объективной стороны состава – совершением всех действий, образующих объективную сторону, и наступлением предусмотренных законом общественно опасных последствий. Для преступлений против собственности, в том числе кражи, определение момента окончания имеет принципиальное значение, поскольку влияет на квалификацию деяния как оконченого

преступления или покушения на него, что в свою очередь отражается на назначении наказания.

В.К. Дуюнов отмечает позицию Верховного Суда РФ по данному вопросу: «Что касается момента окончания кражи, то ВС РФ связывает его с реальной возможностью виновным пользоваться или распоряжаться им по своему усмотрению (например, продать, подарить, употребить, если речь идет о потребляемом имуществе) (см. п. 6 Постановления № 29)» [10, с. 418]. Таким образом, кража считается оконченной не в момент физического изъятия имущества, а когда виновный получает реальную возможность осуществлять правомочия собственника в отношении похищенного. Данный подход позволяет чётко разграничить оконченное преступление от покушения на кражу, что имеет существенное значение для определения объёма уголовной ответственности.

Этот критерий окончания кражи отличается от момента фактического завладения имуществом и предполагает наличие у виновного не только физического контроля над похищенным, но и реальной возможности распорядиться им по своему усмотрению. Иными словами, виновный должен не просто изъять имущество из владения собственника, но и получить возможность реализовать в отношении него правомочия владения, пользования и распоряжения. Такое понимание момента окончания кражи согласуется с определением хищения как противоправного безвозмездного изъятия и обращения чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившего ущерб собственнику.

На практике определение момента окончания кражи может вызывать определённые сложности. Например, если виновный изъяс имущество из квартиры, но был задержан на лестничной площадке, имеет ли он реальную возможность распорядиться похищенным? Судебная практика исходит из того, что кража считается оконченной, если виновный изъяс имущество и имел реальную возможность им распорядиться, даже если фактически не успел этого сделать. Важен потенциал распоряжения, а не его фактическая

реализация. Однако если виновный был задержан в процессе изъятия имущества и не успел вынести его за пределы охраняемой территории или помещения, когда такое вынесение является необходимым условием получения возможности распорядиться имуществом, содеянное квалифицируется как покушение на кражу.

Динамический характер объективной стороны кражи проявляется в возможности перерастания преступления в иную форму хищения при изменении обстановки совершения деяния. Начавшись как тайное хищение, преступление может утратить признак тайности в процессе его совершения, что влечёт изменение квалификации. Такая трансформация происходит, когда действия виновного обнаруживаются потерпевшем или иными лицами, и виновный, осознавая утрату тайности, продолжает преступные действия.

В.К. Дуюнов приводит разъяснение Пленума ВС РФ: «Если в ходе совершения кражи действия виновного обнаруживаются собственником или иным владельцем имущества либо другими лицами, однако виновный, сознавая это, продолжает совершать незаконное изъятие имущества или его удержание, содеянное следует квалифицировать как грабеж, а в случае применения насилия, опасного для жизни или здоровья, либо угрозы применения такого насилия – как разбой» (п. 5 Постановления № 29)» [10, с. 417]. Данное положение отражает принцип соответствия квалификации преступления фактическим обстоятельствам его совершения и подчёркивает значение волевого элемента в действиях виновного – его решения продолжать преступные действия, несмотря на утрату тайности.

Это разъяснение имеет принципиальное значение для правоприменительной практики. Оно устанавливает, что юридическая оценка деяния определяется не только первоначальным умыслом виновного, но и его действиями в изменившейся обстановке. Если виновный, осознав, что его действия обнаружены, прекращает преступную деятельность, содеянное квалифицируется как покушение на кражу. Если же он продолжает изъятие имущества или его удержание, игнорируя утрату тайности, деяние перерастает

в грабёж, поскольку дальнейшее завладение имуществом происходит открыто, с осознанием виновным того, что его действия наблюдаются. При применении насилия или угрозы его применения преступление квалифицируется как разбой, независимо от того, каким образом оно начиналось.

Такая трансформация состава преступления основывается на изменении способа совершения хищения – из тайного он становится открытым. Способ совершения преступления является определяющим признаком, разграничивающим формы хищения, поэтому его изменение влечёт изменение квалификации. При этом важно, что для переквалификации необходимо не только объективное обнаружение действий виновного, но и осознание им этого обстоятельства, а также принятие решения о продолжении преступных действий. Все три элемента – обнаружение, осознание и продолжение – должны присутствовать для того, чтобы начавшаяся как кража действие была квалифицирована как грабёж или разбой.

2.2 Субъективные признаки кражи

Субъективная сторона кражи характеризует внутреннее психическое отношение лица к совершаемому деянию и его последствиям, включая интеллектуальный, волевой и мотивационный компоненты. Анализ субъективных признаков кражи имеет определяющее значение для правильной квалификации преступления и его отграничения от смежных составов, поскольку именно психическое отношение виновного к объективным обстоятельствам деяния определяет юридическую природу содеянного.

В.К. Дуюнов лаконично формулирует основные характеристики субъективной стороны кражи: «Субъективная сторона характеризуется прямым умыслом и корыстной целью. Субъект общий (возраст наступления ответственности – 14 лет)» [10, с. 418]. Указание на прямой умысел означает, что виновный осознаёт общественную опасность своих действий, предвидит

неизбежность или реальную возможность наступления общественно опасных последствий в виде причинения имущественного ущерба собственнику и желает наступления этих последствий. Прямой умысел исключает возможность совершения кражи по неосторожности или с косвенным умыслом, что отличает данное преступление от некоторых других составов.

А.А. Телицин детализирует характеристику субъекта преступления: «Субъектом уголовного преступления против собственности, такого как кража по УК РФ является вменяемое физическое лицо, достигшее на время совершения уголовного преступления возраста, с которого наступает уголовная ответственность, то есть 14 лет. С субъективной стороны уголовные преступления против собственности, в частности кража, как правило, характеризуются, виной в форме умысла. Анализ субъективной стороны кражи, показал, что обязательным признаком субъективной стороны является корыстный мотив и цель» [32, с. 81]. Снижение возраста уголовной ответственности за кражу до 14 лет обусловлено высокой степенью общественной опасности данного преступления и способностью несовершеннолетних этого возраста осознавать противоправность изъятия чужого имущества. Требование вменяемости субъекта означает, что лицо во время совершения преступления должно было осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими.

Принципиальное значение для квалификации кражи имеет корыстная цель, которая представляет собой стремление виновного к получению имущественной выгоды для себя или других лиц. А.А. Телицин проводит детальный анализ соотношения корыстного мотива и корыстной цели: «Подытоживая рассуждения о корыстном мотиве и цели как признаков кражи, можно сделать следующие выводы: незаконное завладение чужим имуществом из других побуждений с целью распорядиться таким имуществом как своим собственным следует квалифицировать как хищение; если в действиях виновного есть корыстный мотив, то он всегда сочетается с желанием достичь корыстной цели; другие мотивы (желание показать свое

превосходство, месть, альтруизм и т.д.) могут сочетаться с желанием достичь корыстной цели, а могут и не сочетаться с корыстной заинтересованностью (целью) виновного. В то же время все эти случаи, заключающиеся в незаконном завладении чужим имуществом одним из способов, предусмотренных УК РФ, должны квалифицироваться как одна из форм хищения – целью хищения целесообразно считать желание виновного обращаться с чужим имуществом как со своим собственным» [32, с. 80]. Этот подход позволяет разграничить различные ситуации незаконного завладения чужим имуществом, учитывая сложность мотивационной сферы человека.

Исследование А.А. Телицина демонстрирует, что корыстный мотив и корыстная цель, будучи взаимосвязанными, не всегда совпадают. Корыстный мотив всегда предполагает корыстную цель, поскольку стремление к имущественной выгоде (мотив) логически ведёт к желанию получить эту выгоду (цель). Однако при наличии иных мотивов (хулиганских побуждений, мести, желания продемонстрировать свои способности) деяние может квалифицироваться как хищение, если виновный преследовал цель распорядиться похищенным имуществом как своим собственным. Такое понимание расширяет круг деяний, подпадающих под признаки хищения, включая случаи, когда имущественная выгода не является доминирующим побудительным мотивом.

Л.В. Иногамова-Хегай подчёркивает определяющую роль субъективного критерия при разграничении форм хищения: «При квалификации тайного хищения и его отграничения от смежных форм хищения решающее значение в силу ст. 5 УК придается субъективному критерию. Если виновный добросовестно заблуждался относительно тайности изъятия и исходя из окружающей обстановки ошибочно полагал, что действует скрытно, однако в действительности его деяние видели потерпевший или другие лица, которые по тем или иным причинам (боязнь привлечь к себе внимание, безразличие или др.) пожелали остаться незамеченными, содеянное признается тайным хищением чужого имущества»

[34, с. 108]. Это отражает фундаментальный принцип субъективного вменения, закреплённый в статье 5 УК РФ, согласно которому лицо подлежит уголовной ответственности только за те общественно опасные действия и наступившие последствия, в отношении которых установлена его вина.

Приоритет субъективного критерия при квалификации кражи означает, что юридическая оценка деяния основывается на психическом отношении виновного к обстановке совершения преступления, а не на объективных характеристиках этой обстановки. Если преступник добросовестно заблуждался относительно тайности своих действий, его деяние квалифицируется как кража, даже если объективно присутствовали наблюдатели. Напротив, если виновный осознавал, что его действия замечены, но продолжал изъятие имущества, содеянное квалифицируется как грабёж независимо от того, предпринимали ли наблюдатели какие-либо действия по пресечению преступления. Такой подход обеспечивает индивидуализацию уголовной ответственности и соответствие квалификации преступления фактической вине лица.

Добросовестное заблуждение виновного относительно тайности изъятия имущества может быть обусловлено различными обстоятельствами: пассивным поведением наблюдателей, которые не проявляли своего присутствия; особенностями окружающей обстановки, создававшими иллюзию отсутствия свидетелей; личностными особенностями виновного, влияющими на его восприятие ситуации. Важно, что ошибка виновного должна быть добросовестной, то есть основанной на объективных данных, а не на безразличном отношении к возможности обнаружения преступления. В противном случае умысел виновного может квалифицироваться как неопределённый, допускающий как тайное, так и открытое изъятие имущества, что исключает квалификацию деяния как кражи.

Субъективная сторона кражи тесно связана с её объективными признаками, поскольку осознание виновным тайности изъятия имущества предполагает оценку объективной обстановки совершения преступления.

Однако приоритет субъективного критерия означает, что при расхождении между объективными характеристиками деяния и субъективным восприятием этих характеристик виновным квалификация преступления определяется содержанием умысла. Это положение имеет принципиальное значение для обеспечения законности и справедливости при применении уголовного закона, поскольку гарантирует, что лицо будет нести ответственность только за те действия и последствия, которые охватывались его сознанием и волей.

2.3 Квалифицирующие признаки кражи

Законодательная конструкция состава кражи предусматривает дифференцированную систему уголовной ответственности, основанную на наличии квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков, существенно повышающих общественную опасность деяния. Часть 2 статьи 158 УК РФ устанавливает первую группу квалифицирующих признаков. Согласно части 2 статьи 158 УК РФ, кража, совершенная: а) группой лиц по предварительному сговору; б) с незаконным проникновением в помещение либо иное хранилище; в) с причинением значительного ущерба гражданину; г) из одежды, сумки или другой ручной клади, находившихся при потерпевшем, - наказывается штрафом в размере до двухсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до восемнадцати месяцев, либо обязательными работами на срок до четырехсот восьмидесяти часов, либо исправительными работами на срок до двух лет, либо принудительными работами на срок до пяти лет с ограничением свободы на срок до одного года или без такового, либо лишением свободы на срок до пяти лет с ограничением свободы на срок до одного года или без такового [35].

В.К. Дуюнов отмечает, что «вопросы квалификации кражи по признаку совершения группой лиц по предварительному сговору подробно раскрываются в п. 9-13 Постановления № 29. Квалификация по п. «б» ч. 2 ст. 158 УК предполагает обращение к п. 3 примечаний к ст. 158 УК, где

раскрываются понятия помещения и хранилища. О незаконности проникновения говорится в п. 18 Постановления № 29. Определение значительности причиненного ущерба гражданину для квалификации по п. «в» ч. 2 ст. 158 УК раскрыто выше при анализе видов хищения. В п. «г» ч. 2 ст. 158 УК установлена ответственность за кражу, совершенную из одежды, сумки или другой ручной клади, находившихся при потерпевшем. Для правильного уяснения особенностей квалификации по данному признаку требуется обращение к п. 23.1 Постановления № 29» [10, с. 418].

Итак, первым квалифицирующим признаком выступает совершение кражи группой лиц по предварительному сговору. З.Д. Гаглов и М.Ю. Рассказов раскрывают содержание данного признака: «Кража, совершенная группой лиц по предварительному сговору, предусмотрена п. «а» ч. 2 ст. 158 УК РФ. Согласно ч. 2 ст. 35 УК РФ, преступление признается совершенным группой лиц по предварительному сговору, если в нем приняли участие лица, ранее договорившиеся о совместном совершении преступления. Сговор – это любое согласование воли людей в устной или письменной форме. «Молчаливый сговор» также возможен, например, при систематическом совершении преступлений. Чаще всего сговор выражается в том, что один из соучастников предлагает совершить преступное деяние, а второй в устной или молчаливой форме соглашается с ним, выполняя предложенные ему действия» [7, с. 68]. Признание возможности молчаливого сговора расширяет границы данного квалифицирующего признака и требует от правоприменителя установления субъективной стороны соучастия.

Существенное значение для правильной квалификации имеет момент достижения сговора и распределение ролей между соучастниками. З.Д. Гаглов и М.Ю. Рассказов указывают: «Одним из обязательных условий является выяснение того, имел ли место сговор соучастников до начала действий, прямо направленных на тайное хищение чужого имущества, было ли достигнуто соглашение о распределении ролей для осуществления совместного преступного умысла, и какие конкретные действия совершил

каждый исполнитель и другие соучастники преступления. Содеянное ими признается совместным исполнением и в силу ч. 2 ст. 34 УК РФ не требует дополнительной квалификации по ст. 33 УК РФ. Уголовная ответственность за кражу, совершенную группой лиц по предварительному сговору, также возникает в случаях, когда, согласно предварительному соглашению, другие участники, в соответствии с распределением ролей, предприняли согласованные действия, направленные на оказание непосредственной помощи исполнителю в совершении преступления» [7, с. 69].

Важное разграничение проводится между соисполнительством и сложным соучастием. З.Д. Гаглоев и М.Ю. Рассказов разъясняют: «Действия лица, которое не принимало непосредственного участия в краже чужого имущества, но которое способствовало совершению этого преступления советами, указаниями или пообещало заранее скрыть следы преступления, устранить препятствия, не связанные с оказанием помощи непосредственным лицам, совершившим преступление, должно быть квалифицировано в соответствии с правилами сложного соучастия (ч. 3 ст. 34 УК РФ), со ссылкой на соответствующую часть ст. 33 УК РФ. Действия лиц, которые тайно похитили чужое имущество, если они при этом выполняли роль исполнителей, должны быть квалифицированы согласно соответствующим пунктам ст. 158 УК РФ по признаку группы лиц по предварительному сговору, если в совершении данного преступления участвовали два или более лица, обладающие признаками субъекта. Если лицо совершило кражу с использованием других лиц, которые не подлежат уголовной ответственности по причине возраста, невменяемости или других обстоятельств, его действия, при отсутствии других квалифицированных признаков, должны быть квалифицированы, в соответствии с ч. 1 ст. 158 УК РФ, как действие непосредственного исполнителя преступления. Лицо, организовавшее преступление или склонившее к совершению кражи лица, заведомо не подлежащего уголовной ответственности, привлекается к уголовной ответственности как исполнитель деяния. Если для этого есть основания,

предусмотренные законом, действия указанного лица должны быть дополнительно квалифицированы в соответствии со ст. 150 УК РФ» [7, с. 70-71].

Судебная практика подтверждает необходимость установления предварительного сговора и распределения ролей между соучастниками для квалификации кражи по признаку группы лиц. Так, приговором Сут-Хольского районного суда Республики Тыва от 29 апреля 2025 года по делу № 1-43/2024 установлено, что ФИО2 предложил своему знакомому ФИО3 совместно совершить кражу лошадей, на что последний из корыстной заинтересованности согласился. По прибытии в место совершения преступления они встретились с третьим лицом, которому сообщили о своем решении совершить кражу и предложили совместно участвовать в преступлении. После достижения предварительного сговора участники распределили роли: двое должны были непосредственно отгонять лошадей, а третий – наблюдать за окружающей обстановкой и предупредить об опасности. Суд квалифицировал действия виновных по пункту «а» части 2 статьи 158 УК РФ, признав наличие группы лиц по предварительному сговору, так как был установлен факт предварительной договоренности о совместном совершении преступления до начала действий, направленных на хищение имущества, и четкое распределение ролей между соучастниками [25].

Проблемным остаётся вопрос о квалификации действий при эксцессе исполнителя. З.Д. Гаглоев и М.Ю. Рассказов отмечают: «Вопрос квалификации по признаку группы лиц, если только один из участников преступления обладает признаками субъекта, остается спорным и вызывает проблемы в судебной практике. В случаях, когда группа лиц ранее договорилась совершить кражу, но один из соучастников вышел за пределы сговора, его действия должны быть квалифицированы с учетом эксцесса исполнителя (ст. 36 УК РФ). Учитывая, что закон не предусматривает квалифицирующего признака кражи группой лиц без предварительного заговора, совершение кражи в таких случаях, при отсутствии других

квалифицирующих признаков, следует квалифицировать по ч. 1 ст. 158 УК РФ. При наличии оснований, предусмотренных ч. 1 ст. 35 УК РФ, суд вправе признать совершение преступления группой лиц без предварительного сговора в качестве обстоятельства, отягчающего наказание, со ссылкой на пункт «в» части 1 статьи 63 УК РФ» [7, с. 71]. Исследователи указывают на пробел в законодательной регламентации и возможность учёта группового характера преступления при назначении наказания.

Вторым квалифицирующим признаком выступает незаконное проникновение в помещение либо иное хранилище. З.Д. Гаглов и М.Ю. Рассказов раскрывают понятие проникновения: «Кража, совершенная с незаконным проникновением в помещение либо иное хранилище, предусмотрена п. «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ. Принимая решение о наличии такого квалифицирующего признака, как «проникновение в помещение или иное хранилище», следственные органы и суды должны учитывать следующее. Проникновение – это вторжение в помещение или другое хранилище с целью совершения кражи, грабежа или разбоя. Оно может быть выполнено не только тайно, но и открыто, как с преодолением препятствий или сопротивления людей, включая работников безопасности, так и без помех, а также с помощью устройств, позволяющих виновному получить украденные предметы, не входя в соответствующее помещение (жилище или хранилище). Проникновением должно быть признано и появление в помещении путем обмана, в том числе ложных пропусков» [7, с. 71-72]. Широкое толкование проникновения охватывает различные способы получения доступа к имуществу, находящемуся в помещении или хранилище.

Существенное значение имеет момент формирования умысла на совершение кражи. З.Д. Гаглов и М.Ю. Рассказов указывают: «Если намерение совершить кражу у лица, совершившего преступление, возникает, когда он уже находится в жилом помещении, помещении или хранилище, квалифицирующий признак кражи не рассматривается. Сам факт незаконного проникновения в жилище, помещение или другое хранилище с целью

совершения тайного хищения чужого имущества может быть квалифицирован как неоконченная кража» [7, с. 72]. Таким образом, квалифицирующий признак проникновения требует установления специальной цели хищения, существовавшей до момента проникновения в помещение или хранилище.

Практическое применение квалифицирующего признака незаконного проникновения в помещение демонстрирует приговор Фрунзенского районного суда г. Ярославля от 25 апреля 2025 года по делу № 1-72/2025. Подсудимый ФИОЗ проник в нежилое здание Весовой будки, которое было передано индивидуальным предпринимателем в аренду для организации пункта приема вторсырья. Суд установил, что подсудимый, не имея разрешения арендатора помещения на доступ в него и не имея для этого иных законных оснований, путем открытия запирающего устройства входных ворот проник в помещение, откуда тайно похитил печь-буржуйку стоимостью 11000 рублей и паллетные весы стоимостью 23900 рублей. Суд квалифицировал действия виновного по пункту «б» части 2 статьи 158 УК РФ, указав, что помещение предназначалось для временного нахождения людей и размещения материальных ценностей в производственных целях, а действия подсудимого по проникновению в это помещение являлись незаконными в соответствии с примечанием 3 к статье 158 УК РФ, поскольку он не имел предусмотренного законодательством, договором или иным соглашением основания для доступа внутрь объекта [27].

Конституционный Суд РФ внёс существенные уточнения в понимание незаконности проникновения. Постановление КС РФ от 31.03.2023 № 13-П гласит: «Признать пункт «б» части второй статьи 158 УК Российской Федерации не противоречащим Конституции Российской Федерации, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования он предполагает, что под незаконностью проникновения в помещение либо иное хранилище в качестве квалифицирующего признака кражи должно пониматься отсутствие предусмотренного законодательством, договором или иным соглашением

основания для доступа лица внутрь принадлежащего ему на праве собственности (ином праве) объекта, подпадающего под признаки помещения либо иного хранилища по смыслу пункта 3 примечаний к статье 158 данного Кодекса и переданного во временное владение и пользование другому лицу, в том числе безотносительно к тому, была ли соблюдена надлежащая гражданско-правовая форма такой передачи» [21]. Данное толкование распространяет понятие незаконного проникновения на случаи, когда собственник помещения не имеет законного основания для доступа в него в силу передачи помещения во временное владение другому лицу.

Третьим квалифицирующим признаком является причинение значительного ущерба гражданину. З.Д. Гаглоев и М.Ю. Рассказов разъясняют критерии определения значительности ущерба: «Кража, совершенная с причинением значительного ущерба гражданину, предусмотрена п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ. Такая кража может быть квалифицирована как оконченное преступление только в случае реального имущественного ущерба, которое, согласно примечанию 2 к ст. 158 УК РФ, не может быть менее пяти тысяч рублей. При принятии решения о том, имеется ли в действиях лица квалифицирующий признак причинения значительного ущерба гражданину в суде, наряду со стоимостью похищенного имущества, следует учитывать имущественное положение потерпевшего, в частности, источники дохода, их размер и частоту получения, наличие иждивенцев потерпевшего, общий доход членов семьи, с которыми он ведет совместное домашнее хозяйство. Мнение потерпевшего о значении или незначительности причиненного ему в результате преступления ущерба должно быть оценено судом совместно с материалами дела, подтверждающими стоимость похищенного имущества и имущественный статус потерпевшего. Таким образом, при определении значительного ущерба следует исходить из совокупности факторов, определяющих финансовое положение потерпевшего» [7, с. 72-73].

Четвёртым квалифицирующим признаком выступает совершение кражи из одежды, сумки или другой ручной клади, находившихся при потерпевшем.

З.Д. Гаглоев и М.Ю. Рассказов характеризуют данный признак: «Кража, совершенная из одежды, сумки или другой ручной клади, находившихся при потерпевшем, предусмотрена п. «г» ч. 2 ст. 158 УК РФ. Нахождение имущества при потерпевшем означает, что одежда, сумка или другая ручная кладь, из которой похищено имущество, находятся в руках потерпевшего или в непосредственной близости от него. Состояние потерпевшего (например, сон, пьянство, потеря сознания, психическое расстройство и т. д.) не влияет на квалификацию содеянного по п. «г» ч. 2 ст. 158 УК РФ, так как использование субъектом преступления состояния потерпевшего указывает на тайный характер и не исключает его намерения совершить кражу из одежды, сумок или другой ручной клади. Этот способ изъятия означает так называемые «карманные кражи» и любые ее аналоги» [7, с. 73]. З.Д. Гаглоев и М.Ю. Рассказов подчёркивают, что повышенная общественная опасность таких краж не зависит от размера похищенного: «Несмотря на то, что сумма похищенного может оказаться незначительной, кража при таких обстоятельствах, по мнению законодателя, повышает степень опасности преступления в целом» [7, с. 73]. Законодатель исходит из того, что способ совершения преступления сам по себе представляет повышенную опасность независимо от стоимости имущества.

Важное разграничение проводится между кражей из одежды и кражей предметов, находящихся на потерпевшем. З.Д. Гаглоев и М.Ю. Рассказов разъясняют: «Закон устанавливает ответственность не за кражу одежды, а за кражу из одежды. Следовательно, кража цепей, браслетов или часов с потерпевшего не могут быть квалифицированы по п. «г» ч. 2 ст. 158 УК РФ, даже если они признаны частью одежды. Отдельные авторы считают, что эти чехлы принадлежат одежде человека, но более верным было бы их отнесение к числу сумок. Кражи из карманов одежды, находящихся в гардеробе, данный признак не содержат. Исходя из смысла закона, ответственность по п. «г» ч. 2 ст. 158 УК РФ распространяется на кражу из одежды, сумок или другой ручной клади, которые были только с живым лицом. Если человек совершил кражу из

одежды, сумки или другой ручной клади трупа, его действия в этой части не образуют указанный квалифицирующий признак» [7, с. 74].

Часть 3 статьи 158 УК РФ устанавливает особо квалифицирующие признаки кражи, отражающие ещё более высокую степень общественной опасности деяния. Среди них: незаконное проникновение в жилище, хищение из нефтепровода, нефтепродуктопровода или газопровода, совершение кражи в крупном размере, а также хищение с банковского счёта или в отношении электронных денежных средств. Согласно части 3 статьи 158 УК РФ, кража, совершённая с указанными особо квалифицирующими признаками, наказывается штрафом в размере от ста тысяч до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до трех лет, либо принудительными работами на срок до пяти лет с ограничением свободы на срок до полутора лет или без такового, либо лишением свободы на срок до шести лет со штрафом в размере до восьмидесяти тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до шести месяцев либо без такового и с ограничением свободы на срок до полутора лет либо без такового [35]. Санкция данной части статьи значительно превышает наказание, предусмотренное частью 2, что отражает оценку повышенной общественной опасности преступлений, совершённых при наличии особо квалифицирующих признаков.

Первым особо квалифицирующим признаком выступает незаконное проникновение в жилище (пункт «а» части 3 статьи 158 УК РФ). Данный признак отличается от предусмотренного пунктом «б» части 2 статьи 158 УК РФ незаконного проникновения в помещение или иное хранилище объектом проникновения – жилищем, которое представляет собой особо защищаемое конституционным правом пространство. В.В. Митяев раскрывает законодательное определение жилища: «Примечание к статье 139 УК РФ «Нарушение неприкосновенности жилища» содержит разъяснение, согласно которому под жилищем понимаются индивидуальный жилой дом с входящими в него жилыми и нежилыми помещениями, жилое помещение

независимо от формы собственности, входящее в жилищный фонд и пригодное для постоянного или временного проживания, а равно иное помещение или строение, не входящие в жилищный фонд, но предназначенные для временного проживания» [15, с. 127].

Жилище как объект конституционно-правовой охраны обладает особым статусом, закреплённым в статье 25 Конституции РФ, согласно которой жилище неприкосновенно и никто не вправе проникать в него против воли проживающих в нём лиц. Повышенная общественная опасность проникновения в жилище обусловлена не только нарушением права собственности, но и посягательством на конституционное право граждан на неприкосновенность жилища, а также созданием реальной угрозы личной безопасности проживающих в нём лиц. Проникновение в жилище может привести к контакту преступника с жильцами, что потенциально способно перерасти в применение насилия или уничтожение имущества.

В.К. Дуюнов указывает на источники, регламентирующие квалификацию по данному признаку: «Особенности квалификации по п. «а» ч. 3 ст. 158 УК раскрываются в п. п. 18, 19 Постановления № 29, при этом следует также руководствоваться примечанием к ст. 139 УК, в котором дается понятие «жилище». В п. 20 Постановления № 29 определены правила квалификации по совокупности, в случае, если в процессе проникновения было уничтожено или повреждено чужое имущество» [10, с. 418]. Разъяснения Пленума Верховного Суда РФ имеют важное значение для единообразного применения уголовного закона, устраняя возможные сомнения в толковании признаков состава преступления. Квалификация по совокупности преступлений при повреждении имущества в процессе проникновения отражает принцип полноты юридической оценки содеянного, когда одно преступное деяние содержит признаки нескольких составов преступлений.

Вторым особо квалифицирующим признаком является кража из нефтепровода, нефтепродуктопровода, газопровода (пункт «б» части 3 статьи 158 УК РФ). Введение данного признака было обусловлено широким

распространением хищений нефти, нефтепродуктов и газа путём несанкционированных врезок в магистральные трубопроводы, причиняющих значительный материальный ущерб государству и владельцам трубопроводов, а также создающих угрозу экологической и промышленной безопасности. В.В. Митяев анализирует специфику данного преступления: «Ущерб от повреждения нефтепровода всегда оценивается как значительный. Следовательно, производство врезки содержит признаки уголовно наказуемого деяния – умышленного повреждения чужого имущества, повлекшего причинение значительного ущерба владельцу. Федеральным законом от 21 июля 1997 г. № 116-ФЗ «О промышленной безопасности опасных производственных объектов» магистральные нефтепродуктопроводы отнесены к категории опасных производственных объектов» [15, с. 128].

В.В. Митяев подчёркивает необходимость квалификации по совокупности преступлений: «Действия лиц, которые в процессе совершения рассматриваемой разновидности краж умышленно уничтожили, разрушили, повредили или привели иным способом в негодное для эксплуатации состояние трубопровод и (или) технологически связанные с ним объекты, подпадают наряду со ст. 158 УК РФ, предусматривающей ответственность за кражу, под признаки составов преступлений, предусмотренных ст. 167 «Умышленное уничтожение или повреждение имущества», ст. 215 «Приведение в негодность объектов жизнеобеспечения», ст. 267 «Приведение в негодность транспортных средств или путей сообщения»» [15, с. 128].

В.К. Дуюнов обращает внимание на проблему: «Как отмечают исследователи, понятие нефтепровода, нефтепродуктопровода, газопровода в уголовном законодательстве не раскрывается, поэтому, на основе анализа законодательства, они предлагают определять их как систему транспортировки – подачи нефти, нефтепродуктов (например, дизельного топлива, мазута и др.), газа потребителю, включающие в себя магистральные трубопроводы и трубопроводы-отводы» [10, с. 418]. Отсутствие легального определения этих понятий в уголовном законе требует обращения к

специальному законодательству, регулирующему транспортировку нефти, нефтепродуктов и газа. Такое определение охватывает всю инфраструктуру трубопроводного транспорта, включая не только основные магистрали, но и ответвления, что соответствует целям законодателя по всесторонней охране этих объектов от преступных посягательств.

Третьим особо квалифицирующим признаком выступает совершение кражи в крупном размере (пункт «в» части 3 статьи 158 УК РФ). Размер похищенного традиционно рассматривается в качестве одного из важнейших критериев дифференциации уголовной ответственности за хищения, поскольку непосредственно отражает величину причинённого материального ущерба. Законодатель установил чёткий количественный критерий крупного размера в примечании 4 к статье 158 УК РФ, отметив, что крупным размером в статьях настоящей главы, за исключением частей шестой и седьмой статьи 159, статей 159.1, 159.5 и 165, признается стоимость имущества, превышающая двести пятьдесят тысяч рублей, а особо крупным – один миллион рублей [35]. В отличие от оценочного признака «значительный ущерб гражданину», предусмотренного пунктом «в» части 2 статьи 158 УК РФ и требующего индивидуальной оценки с учётом имущественного положения потерпевшего, крупный и особо крупный размер определяются исключительно на основании стоимости похищенного имущества независимо от того, кто является потерпевшим – физическое лицо, юридическое лицо или государство. Такой подход обеспечивает объективность квалификации и исключает субъективизм при оценке размера причинённого ущерба.

Четвёртым особо квалифицирующим признаком является кража с банковского счёта, а равно в отношении электронных денежных средств при отсутствии признаков преступления, предусмотренного статьёй 159.3 УК РФ (пункт «г» части 3 статьи 158 УК РФ). Введение данного признака отражает реакцию законодателя на развитие информационных технологий и появление новых способов совершения имущественных преступлений в цифровой среде. Хищение денежных средств с банковских счётов или электронных денежных

средств характеризуется высокой степенью общественной опасности, поскольку совершается с использованием специальных технических знаний и средств, затрудняющих обнаружение и раскрытие преступления.

В.К. Дуюнов указывает на источники толкования данного признака: «Пункт «г» ч. 3 ст. 158 УК предполагает кражу с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств (при отсутствии признаков преступления, предусмотренного статьей 159.3 УК) – особенности квалификации кражи и определения подсудности при наличии названного квалифицирующего признака раскрыты в п. п. 25.1-25.3 Постановления № 29» [10, с. 418]. Разъяснения Пленума Верховного Суда РФ детализируют признаки данного состава преступления и позволяют отграничить кражу с банковского счёта от мошенничества в сфере компьютерной информации, предусмотренного статьёй 159.3 УК РФ. Критерием разграничения выступает способ завладения денежными средствами: при краже виновный тайно изымает средства без воздействия на волю владельца счёта или уполномоченного лица кредитной организации, в то время как при мошенничестве происходит обман или злоупотребление доверием, приводящее к добровольной передаче имущества.

Судебная практика демонстрирует типичные способы совершения данного преступления и подходы к его квалификации. Показательным является приговор Тулунского городского суда Иркутской области от 28 апреля 2025 года № 1-103/2025, в котором виновная нашла утерянную банковскую карту со встроенным чипом для бесконтактной оплаты и в течение нескольких часов совершила множественные покупки в различных торговых точках, используя функцию бесконтактной оплаты без ввода PIN-кода. Суд квалифицировал действия подсудимой по пункту «г» части 3 статьи 158 УК РФ, отметив, что виновная тайно похитила денежные средства с банковского счёта на сумму 17326 рублей 43 копейки, причинив потерпевшей значительный ущерб [26]. Данное дело иллюстрирует, что для квалификации по рассматриваемому признаку не требуется применения сложных

технических средств или специальных знаний – достаточно использования легитимных платёжных инструментов (банковской карты) для несанкционированного доступа к чужим денежным средствам. Суд акцентировал внимание на тайном характере изъятия, отсутствии воздействия на волю владельца счёта и корыстной направленности умысла виновной.

Часть 4 статьи 158 УК РФ устанавливает наиболее опасные формы совершения кражи, характеризующиеся максимальной степенью общественной опасности и влекущие наиболее строгое наказание. Законодатель предусмотрел два особо квалифицирующих признака: совершение кражи организованной группой (пункт «а») и совершение кражи в особо крупном размере (пункт «б»). Согласно части 4 статьи 158 УК РФ кража, совершенная: а) организованной группой; б) в особо крупном размере, - наказывается лишением свободы на срок до десяти лет со штрафом в размере до одного миллиона рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до пяти лет либо без такового и с ограничением свободы на срок до двух лет либо без такового [35]. Санкция части 4 статьи 158 УК РФ предусматривает исключительно лишение свободы в качестве основного наказания, что отличает её от санкций частей 2 и 3. Максимальный срок лишения свободы составляет десять лет, что приближает данное преступление к категории тяжких преступлений и свидетельствует о высокой оценке законодателем общественной опасности краж, совершённых при наличии признаков, предусмотренных частью 4. Дополнительное наказание в виде штрафа до одного миллиона рублей или в размере заработной платы за период до пяти лет, а также ограничение свободы на срок до двух лет являются факультативными, что предоставляет суду возможность индивидуализировать наказание с учётом конкретных обстоятельств дела и личности виновного.

Первым особо квалифицирующим признаком части 4 статьи 158 УК РФ выступает совершение кражи организованной группой (пункт «а»). Организованная группа представляет собой наиболее опасную форму соучастия, характеризующуюся устойчивостью, высокой степенью

организованности и сплочённости участников. Определение организованной группы содержится в части 3 статьи 35 УК РФ, согласно которой преступление признаётся совершённым организованной группой, если оно совершено устойчивой группой лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений. Признаками организованной группы выступают устойчивость, стабильность состава участников, наличие организатора или руководителя, распределение ролей между участниками, планирование преступной деятельности, согласованность действий.

Вторым особо квалифицирующим признаком части 4 статьи 158 УК РФ является совершение кражи в особо крупном размере (пункт «б»). Как указывалось выше, согласно примечанию 4 к статье 158 УК РФ, особо крупным размером признаётся стоимость имущества, превышающая один миллион рублей. Установление столь значительного порога для особо крупного размера отражает стремление законодателя обеспечить соразмерность уголовной репрессии тяжести причинённого ущерба. Хищение имущества на сумму свыше одного миллиона рублей причиняет значительный материальный ущерб собственнику, который может иметь серьёзные экономические последствия, особенно если потерпевшим является небольшое предприятие или индивидуальный предприниматель.

В.В. Митяев отмечает: «Решая вопрос о квалификации действий лиц, совершивших хищение чужого имущества в составе группы лиц по предварительному сговору либо организованной группы по признаку «в крупном размере» или «в особо крупном размере», следует исходить из общей стоимости похищенного всеми участниками преступной группы (абз. 2 п. 25 Постановления № 29)» [15, с. 128]. Действия всех участников организованной группы, похитившей имущество на сумму, превышающую один миллион рублей, квалифицируются по пункту «б» части 4 статьи 158 УК РФ независимо от размера доли, полученной каждым участником. Этот подход соответствует общим принципам ответственности за групповые преступления, когда каждый участник несёт ответственность за действия группы в целом.

Система квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков кражи, закреплённая в частях 2, 3 и 4 статьи 158 УК РФ, отражает градацию общественной опасности преступных деяний и обеспечивает дифференцированный подход к назначению наказания. Тщательный анализ обстоятельств совершения преступления и правильная квалификация содеянного по соответствующей части статьи 158 УК РФ имеют принципиальное значение для обеспечения справедливости и индивидуализации уголовной ответственности, что соответствует основным принципам уголовного права и задачам уголовного законодательства.

Подводя итоги второй главы исследования, следует отметить, что уголовно-правовой анализ состава кражи выявил сложную структуру объективных и субъективных признаков, определяющих юридическую природу данного преступления. Объективная сторона кражи характеризуется тайным способом изъятия чужого имущества, при этом тайность определяется через единство объективного критерия (внешняя обстановка совершения преступления) и субъективного критерия (осознание виновным скрытности своих действий), причём приоритет отдаётся субъективному восприятию. Момент окончания кражи связывается с получением виновным реальной возможности распорядиться похищенным имуществом, что позволяет отграничить оконченное преступление от покушения. Субъективная сторона кражи характеризуется прямым умыслом и корыстной целью, при этом корыстный мотив не всегда совпадает с корыстной целью, что требует тщательного анализа при квалификации. Система квалифицирующих признаков кражи, закреплённая в частях 2-4 статьи 158 УК РФ, отражает градацию общественной опасности деяний в зависимости от группового характера преступления, проникновения в охраняемые объекты, размера причинённого ущерба, что обеспечивает дифференцированный подход к назначению наказания и реализацию принципа справедливости уголовной ответственности.

Глава 3 Проблемы квалификации и назначения наказания за кражу

3.1 Особенности квалификации кражи и отграничение от смежных составов

Квалификация кражи представляет собой сложный процесс юридической оценки деяния, требующий точного установления всех элементов состава преступления и его отграничения от смежных правонарушений. Особую актуальность эта проблема приобретает в условиях существования административной и уголовной ответственности за похожие деяния, а также наличия гражданско-правовых институтов, регулирующих отношения по поводу чужого имущества.

Первостепенное значение для правоприменительной практики имеет отграничение уголовно наказуемой кражи от административного правонарушения, предусмотренного статьей 7.27 КоАП РФ. Данная норма устанавливает ответственность за мелкое хищение чужого имущества путем кражи, мошенничества, присвоения или растраты при отсутствии признаков преступлений, предусмотренных частями второй, третьей и четвертой статьи 158 УК РФ и статьей 158.1 УК РФ.

Критерием разграничения выступает стоимость похищенного имущества. Частью 1 статьи 7.27 КоАП РФ предусмотрена ответственность за хищение имущества стоимостью не более одной тысячи рублей, частью 2 – от одной тысячи до двух тысяч пятисот рублей [13]. Превышение порога в 2500 рублей влечет квалификацию деяния по части 1 статьи 158 УК РФ при отсутствии квалифицирующих признаков.

Важно подчеркнуть роль данной нормы в реализации принципа экономии уголовной репрессии. Установление административной ответственности за малозначительные хищения позволяет разгрузить систему уголовной юстиции и применить менее строгие меры воздействия к лицам, совершившим деяния с невысокой степенью общественной опасности. Однако

низкий уровень установленных порогов (1000 и 2500 рублей) не в полной мере соответствует современным экономическим реалиям и требует законодательной корректировки.

Особое место в системе ответственности за хищения занимает статья 158.1 УК РФ, устанавливающая наказание за мелкое хищение, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию за мелкое хищение. Данная норма реализует принцип административной преюдиции, усиливая ответственность при систематическом совершении мелких хищений. Для квалификации по статье 158.1 УК РФ необходимо, чтобы лицо в течение одного года после наложения административного наказания за мелкое хищение вновь совершило аналогичное деяние.

Важное значение для квалификации имеет разграничение кражи и грабежа, поскольку оба преступления представляют собой формы хищения, различающиеся по способу изъятия имущества. Согласно статье 161 УК РФ, грабежом признается открытое хищение чужого имущества.

Основным критерием разграничения выступает способ совершения хищения – тайный при краже и открытый при грабеже. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» разъясняет, что тайным считается такое хищение, которое происходит в отсутствие потерпевшего или иных лиц либо хотя и в их присутствии, но незаметно для них [22]. Открытым является хищение, совершаемое в присутствии собственника, иного владельца имущества или посторонних лиц, когда виновный сознает, что указанные лица понимают противоправный характер его действий.

Критическое значение имеет субъективный критерий – осознание виновным открытого характера своих действий. Если лицо, изымая имущество, полагало, что действует тайно, хотя в действительности его действия наблюдались другими лицами, содеянное квалифицируется как кража. Если виновный осознавал, что его действия заметны для окружающих, но продолжал изъятие имущества, деяние образует состав грабежа.

Особую сложность представляет квалификация ситуаций перерастания кражи в грабеж. Согласно разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ, если в ходе совершения кражи действия виновного обнаруживаются собственником или другими лицами, однако виновный, сознавая это, продолжает совершать незаконное изъятие имущества или его удержание, содеянное следует квалифицировать как грабеж, а в случае применения насилия, опасного для жизни или здоровья, либо угрозы применения такого насилия – как разбой.

Отграничение кражи от присвоения или растраты (статья 160 УК РФ) основывается на характере отношений виновного с похищаемым имуществом. При краже виновный не имеет никаких правомочий в отношении имущества и завладевает им путем противоправного изъятия из владения собственника или иного законного владельца. При присвоении или растрате имущество первоначально находится в правомерном владении виновного, который в силу должностных обязанностей, договорных отношений или специального поручения осуществляет полномочия по управлению, хранению, распоряжению или доставке этого имущества.

Ключевым признаком присвоения или растраты выступает наличие у виновного вверенного имущества – то есть имущества, находящегося в его правомерном владении или ведении. Если лицо похищает имущество, к которому имело доступ исключительно в связи с выполнением трудовых обязанностей, но которое не было ему вверено (например, продавец похищает товар из торгового зала), содеянное квалифицируется как кража, а не присвоение.

Судебная практика выработала четкие критерии определения вверенности имущества. Имущество признается вверенным, если виновный обладал полномочиями по распоряжению, управлению, доставке или хранению в силу договора, должностного положения или специального поручения. При этом не имеет значения, от кого исходило поручение – от

собственника или от представителя собственника, наделенного соответствующими полномочиями.

Особую категорию смежных деяний образует неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения (статья 166 УК РФ). Разграничение этих составов проводится по субъективной стороне – наличию или отсутствию корыстной цели обращения чужого имущества в свою пользу или в пользу других лиц.

При краже транспортного средства виновный преследует цель обратить его в свою собственность, распорядиться им как своим (продать, подарить, разобрать на запчасти и т.п.). При неправомерном завладении без цели хищения лицо намеревается временно использовать транспортное средство для поездки, после чего оставить или вернуть его собственнику. Согласно разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ, если угон совершен с целью последующего обращения транспортного средства в пользу виновного или других лиц, содеянное образует кражу.

Доказывание корыстной цели при хищении транспортных средств осуществляется на основе совокупности объективных данных: характера действий виновного с похищенным автомобилем, продолжительности его использования, попыток изменить внешний вид или идентификационные номера, установления контактов с потенциальными покупателями и иных обстоятельств.

Существенное значение для правоприменительной практики имеет соотношение уголовно-правового института кражи и гражданско-правового института находки, урегулированного статьей 227 ГК РФ. Согласно данной норме, нашедший потерянную вещь обязан немедленно уведомить об этом лицо, потерявшее ее, или собственника вещи, или кого-либо другого из известных ему лиц, имеющих право получить ее, и возвратить найденную вещь этому лицу.

Длительное время судебная практика испытывала сложности при квалификации случаев присвоения найденного имущества, поскольку

буквальное толкование статьи 158 УК РФ позволяло признавать кражей любое завладение чужой вещью, включая находку. Данная проблема была разрешена Постановлением Конституционного Суда РФ от 12 января 2023 г. № 2-П, которое установило четкие критерии отграничения правомерного поведения нашедшего от преступного завладения имуществом.

Конституционный Суд РФ указал, что объективную сторону кражи найденного имущества образует единое сложное деяние, состоящее из завладения обнаруженной чужой вещью, сопряженного с ее сокрытием или сокрытием источника ее получения, ее принадлежности другому лицу или ее идентифицирующих признаков, для тайного обращения в свою пользу или в пользу иных неуправомоченных лиц [20]. Кражей также признается тайное завладение чужой вещью, когда лицо наблюдало ее потерю собственником или иным законным владельцем и имело реальную возможность незамедлительно проинформировать последнего о потере и вернуть ему вещь, но не сделало этого с целью последующего присвоения.

Таким образом, для квалификации присвоения находки как кражи необходимо установление следующих обстоятельств:

- активные действия по сокрытию найденного имущества, его принадлежности другому лицу или идентифицирующих признаков;
- наличие у виновного реальной возможности незамедлительно вернуть вещь собственнику или уведомить его о находке;
- умысел на тайное обращение имущества в свою пользу или пользу других лиц.

Само по себе невыполнение обязанностей, предусмотренных статьей 227 ГК РФ (уведомление собственника, сдача находки в полицию или орган местного самоуправления), при отсутствии указанных признаков не образует состава кражи. Данное разъяснение устраняет противоречия между гражданско-правовым и уголовно-правовым регулированием, обеспечивая баланс между защитой права собственности и недопущением необоснованной криминализации поведения граждан.

Особое значение имеет разграничение находки и брошенной вещи. Вещь признается брошенной, если собственник отказался от нее, что явствует из совершенных им действий и обстановки (статья 226 ГК РФ). Завладение брошенной вещью не образует состава кражи, поскольку отсутствует собственник или законный владелец, которому может быть причинен ущерб. Однако установление факта отказа собственника от вещи требует тщательной оценки всех обстоятельств дела.

Разграничение кражи и мошенничества (статья 159 УК РФ) проводится по способу завладения имуществом. При краже имущество изымается тайно, помимо воли собственника или владельца, которые не осознают факта выбытия имущества из их владения. При мошенничестве потерпевший сам передает имущество виновному или право на имущество либо не препятствует изъятию имущества виновным, поскольку введен в заблуждение обманом или злоупотреблением доверием.

Обман при мошенничестве может касаться любых обстоятельств: личности виновного, качества и принадлежности имущества, намерений виновного, юридически значимых фактов и т.п. Злоупотребление доверием выражается в использовании доверительных отношений с потерпевшим для завладения его имуществом. Ключевым признаком мошенничества является добровольная передача имущества потерпевшим, обусловленная заблуждением относительно обстоятельств, имеющих значение для принятия решения о передаче имущества.

Сложности квалификации возникают в случаях, когда виновный использует обман для облегчения доступа к имуществу, но затем тайно его похищает. Судебная практика исходит из того, что если обман использовался лишь для создания условий завладения имуществом, которое затем изымается тайно, без ведома собственника, содеянное квалифицируется как кража. Если же потерпевший осознанно передает имущество, хотя его воля сформирована под влиянием обмана, деяние образует мошенничество.

От кражи следует отграничивать причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием при отсутствии признаков хищения (статья 165 УК РФ). При краже происходит изъятие и обращение в пользу виновного или других лиц чужого имущества, находящегося в фондах собственника. При совершении преступления, предусмотренного статьей 165 УК РФ, виновный не изымает имущество из владения собственника, а путем обмана или злоупотребления доверием добивается того, что имущество не поступает в фонды собственника, хотя должно было поступить.

Типичными примерами причинения имущественного ущерба без признаков хищения являются: незаконное пользование услугами связи, энергией или иными ресурсами без их оплаты; получение льгот или субсидий, на которые лицо не имело права; уклонение от уплаты обязательных платежей путем обмана. Во всех этих случаях отсутствует изъятие имущества из фондов собственника, что исключает квалификацию по статье 158 УК РФ.

Важное значение для правильной квалификации имеет определение момента окончания кражи. Согласно разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ, кража считается оконченной, если имущество изъято и виновный имеет реальную возможность пользоваться или распоряжаться им по своему усмотрению. При этом не требуется, чтобы виновный фактически воспользовался или распорядился похищенным имуществом.

Реальная возможность распоряжения определяется с учетом конкретных обстоятельств дела. Кража имущества из помещения считается оконченной с момента выноса имущества за пределы помещения. Карманная кража признается оконченной с момента изъятия имущества из одежды или сумки потерпевшего. Если виновный задержан непосредственно на месте преступления с похищенным имуществом до момента получения реальной возможности распоряжения им, содеянное квалифицируется как покушение на кражу по части 3 статьи 30 и соответствующей части статьи 158 УК РФ.

Существенное влияние на квалификацию оказывает наличие квалифицирующих признаков, предусмотренных частями 2-4 статьи 158 УК

РФ. Особую сложность представляет разграничение кражи группой лиц по предварительному сговору и организованной группой.

Кража признается совершенной группой лиц по предварительному сговору, если в ней участвовали два или более лица, заранее договорившиеся о совместном совершении преступления. При этом все участники группы должны выполнять объективную сторону преступления полностью или частично. Не образует группового хищения ситуация, когда одно лицо непосредственно изымает имущество, а другое лишь содействует совершению преступления (например, выполняет функции наблюдателя), если между ними не было соглашения о совместном совершении кражи.

Организованная группа характеризуется устойчивостью, наличием организатора, распределением ролей между участниками, планированием преступной деятельности. Согласно разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ, организованная группа может быть признана таковой, если она создана для совершения нескольких или даже одного, но требующего тщательной подготовки, преступления. Все участники организованной группы независимо от фактически выполняемой роли признаются соисполнителями кражи.

Квалификация кражи с незаконным проникновением в помещение или иное хранилище либо в жилище требует установления факта незаконного вторжения в указанные объекты с целью совершения кражи. Проникновение может осуществляться как с преодолением препятствий или сопротивления людей, так и без такового, но обязательно вопреки установленному запрету. Если виновный оказался в помещении на законных основаниях (по приглашению, в силу должностных обязанностей), но затем совершил кражу, квалифицирующий признак проникновения отсутствует.

Итак, правильная квалификация кражи требует тщательного анализа всех обстоятельств дела, точного установления способа завладения имуществом, содержания умысла виновного и его отношения к похищаемому имуществу. Отграничение кражи от смежных составов преступлений и правонарушений основывается на системном толковании уголовного,

административного и гражданского законодательства с учетом разъяснений высших судебных инстанций, что обеспечивает единообразие правоприменительной практики и защиту прав граждан.

3.2 Назначение наказания за кражу: теория и практика

Уголовная ответственность за кражу, предусмотренная ст. 158 УК РФ, является одной из наиболее распространённых категорий дел в судебной практике. Назначение наказания за данное преступление требует не только правильной квалификации деяния, но и учёта множества факторов: характера и степени общественной опасности, личности виновного, смягчающих и отягчающих обстоятельств, влияния содеянного на потерпевшего. Судебная практика демонстрирует, что правильная квалификация кражи влияет на вид и размер назначаемого наказания, особенно при разграничении простого состава (ч. 1 ст. 158 УК РФ) и квалифицированных составов (ч. 2-4 ст. 158 УК РФ), а также при отграничении кражи от смежных составов преступлений.

Теоретические основы назначения наказания за кражу базируются на общих началах назначения наказания (ст. 60 УК РФ) и учитывают специфику имущественных преступлений. Согласно разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания», суды обязаны учитывать характер и степень общественной опасности преступления, определяемые уголовным законом, и конкретные обстоятельства дела, включая размер ущерба, форму вины, мотивы и цели. При назначении наказания за кражу суды руководствуются также положениями Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое», которое помогает разграничить формы хищения.

Рассмотрим примеры из судебной практики, иллюстрирующие особенности назначения наказания при различных обстоятельствах совершения кражи.

Примером правоприменительной практики разграничения уголовной ответственности по ст. 158.1 УК РФ от административных правонарушений служит Апелляционное постановление № 22-1025/2025 от 27 мая 2025 г. Владимирского областного суда. В данном деле гражданин был признан виновным в совершении пяти эпизодов преступлений, предусмотренных ст. 158.1 УК РФ, поскольку являлся лицом, подвергнутым административному наказанию за мелкое хищение, предусмотренное частью 2 статьи 7.27 КоАП РФ, и в течение года совершил новые мелкие хищения. Суд подтвердил правильность квалификации действий осужденного по ст. 158.1 УК РФ по каждому из пяти совершенных преступлений [3].

Дело гражданина М., рассмотренное районным судом, демонстрирует подход судов к квалификации и назначению наказания при краже, совершённой путём замены ценников. Гражданин М. в супермаркете заменил ценники на товарах, чтобы приобрести их по заниженной стоимости. Фактические обстоятельства дела следующие: М. взял с полки товар стоимостью 5000 рублей, заменил ценник на другой, указывающий цену в 1000 рублей, и оплатил его на кассе, после чего был задержан сотрудниками магазина, вызвавшими полицию. Суд квалифицировал действия М. как кражу по ч. 1 ст. 158 УК РФ, поскольку было установлено тайное изъятие чужого имущества с корыстной целью. При назначении наказания суд учёл отсутствие отягчающих обстоятельств, признание вины и раскаяние подсудимого, в связи с чем назначил наказание в виде штрафа, что соответствует санкции ч. 1 ст. 158 УК РФ и принципу справедливости [17]. Этот случай показывает, как признак тайности применяется в ситуациях, когда хищение происходит незаметно для окружающих, но может быть выявлено при последующей проверке. Особенность дела в том, что замена ценников рассматривается как активное действие, направленное на введение в заблуждение кассира, однако суд правомерно исключил квалификацию как мошенничество, так как отсутствует прямой обман, влияющий на волю потерпевшего – кассир не осознавал факт замены ценника и не передавал имущество добровольно. Судебная практика,

включая разъяснения Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29, подчёркивает, что подобные действия составляют кражу, если виновный полагал, что действует тайно. Выводы из этого дела указывают на важность точного разграничения кражи и смежных составов для правильного назначения наказания. Неверная квалификация действий как мошенничества (ст. 159 УК РФ) могла бы привести к более строгому наказанию, поскольку санкции различаются. Назначение штрафа вместо более строгих мер демонстрирует применение принципа экономии уголовной репрессии при наличии смягчающих обстоятельств.

Дело гражданки Г., рассмотренное Учалинским районным судом Республики Башкортостан, иллюстрирует сложность назначения наказания при присвоении найденного имущества. Гражданка Г. была осуждена за кражу мобильного телефона, найденного в маршрутном автобусе. В ходе судебного разбирательства было установлено, что Г., обнаружив телефон Samsung Galaxy A 20S стоимостью 11 000 рублей на полу автобуса, взяла его, убедившись в тайности своих действий, отключила устройство, выбросила сим-карты и впоследствии использовала его с собственной сим-картой, пока телефон не был изъят полицией. Первоначально действия Г. были квалифицированы по п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ с учётом значительного ущерба, и суд первой инстанции назначил наказание в виде лишения свободы сроком на 1 год условно. Однако кассационная инстанция переквалифицировала действия на ч. 1 ст. 158 УК РФ, исключив квалифицирующий признак, и назначила 6 месяцев исправительных работ условно, что существенно мягче первоначального наказания [17]. Представленный пример подчёркивает прямую зависимость размера наказания от правильности квалификации. Особенность дела в том, что Конституционный Суд РФ в Постановлении от 12 января 2023 г. № 2-П уточнил, что кража найденного имущества предполагает активное сокрытие вещи или её идентифицирующих признаков с корыстной целью, что и было установлено в действиях Г., которая не только не сообщила о находке, но и предприняла меры для сокрытия телефона.

Судебная практика показывает, что такие действия выходят за рамки гражданско-правового режима находки, регулируемого ст. 227 ГК РФ, и образуют состав кражи, если присутствует умысел на тайное обращение имущества в свою пользу. Переквалификация с п. «в» ч. 2 на ч. 1 ст. 158 УК РФ обусловлена пересмотром оценки размера ущерба: для гражданки Г., с учётом её имущественного положения, сумма 11000 рублей не могла быть признана значительным ущербом в смысле примечания 2 к ст. 158 УК РФ. Выводы из дела подчёркивают важность индивидуализации наказания с учётом всех обстоятельств дела и необходимость тщательной оценки квалифицирующих признаков, поскольку их наличие или отсутствие кардинально изменяет санкцию. Дело также демонстрирует роль судебных разъяснений в обеспечении единообразия правоприменения и указывает на важность информирования граждан о правовых последствиях подобных действий.

Дело несовершеннолетнего К.А. Коляденко, рассмотренное Черновским районным судом г. Читы, демонстрирует специфику назначения наказания несовершеннолетним при совершении кражи. Несовершеннолетний К.А. Коляденко был осуждён за кражу сотового телефона, найденного около школы. Судом установлено, что К.А. Коляденко, заметив телефон в снегу у крыльца школы, поднял его, не предпринял попыток установить владельца, заменил сим-карту на свою, удалил содержимое телефона, сбросил настройки и использовал его в личных целях. Потерпевшая, несовершеннолетняя Х., обнаружила пропажу телефона вскоре после урока, вернулась в школу, но не нашла его, после чего обратилась в полицию. Суд квалифицировал действия К.А. Коляденко по п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ как кражу с причинением значительного ущерба и назначил штраф в размере 5000 рублей, что является минимальным наказанием для данной квалификации и учитывает несовершеннолетний возраст виновного. В апелляционной жалобе защита утверждала, что телефон был потерян, а не похищен, и что действия К.А. Коляденко не образуют состава кражи, так как он не изымал имущество

из владения собственника. Однако Забайкальский краевой суд оставил приговор без изменения, установив, что телефон был забыт, а не потерян, поскольку потерпевшая знала место утраты и пыталась его вернуть, а действия К.А. Коляденко, включая удаление данных и использование телефона, свидетельствовали о корыстном умысле и тайном хищении [4].

Этот случай показывает применение особых правил назначения наказания несовершеннолетним (ст. ст. 88-89 УК РФ), согласно которым суды отдают предпочтение наказаниям, не связанным с изоляцией от общества. Особенность дела в том, что суд акцентировал различие между потерянной вещью, местонахождение которой неизвестно владельцу, и забытой, которую владелец может вернуть, что соответствует разъяснениям Конституционного Суда РФ о необходимости активных действий для квалификации кражи. При назначении наказания суд учёл несовершеннолетний возраст виновного как обстоятельство, смягчающее наказание (п. «б» ч. 1 ст. 61 УК РФ), отсутствие судимости, а также то, что преступление совершено впервые. Назначение штрафа в размере 5000 рублей (минимального для данной квалификации) демонстрирует стремление суда к применению более мягкого наказания при условии достижения целей наказания – исправления виновного и предупреждения новых преступлений.

Дело Ю.Ю. Кактана, рассмотренное Верховным Судом Российской Федерации, демонстрирует, как правильная квалификация кардинально влияет на размер назначаемого наказания. Суть дела в том, что гражданин Ю.Ю. Кактан нашел банковскую карту с функцией бесконтактной оплаты и использовал её 13 и 14 мая 2019 года для оплаты товаров в магазинах и кафе, похитив 3026 рублей 54 копейки. Хищение не было завершено, так как карта была заблокирована владельцем. Йошкар-Олинский городской суд квалифицировал действия Ю.Ю. Кактана как покушение на кражу с банковского счета по ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, назначив 1 год 9 месяцев лишения свободы, а с учётом предыдущего условного приговора – 3 года 3 месяца. Апелляционная инстанция исключила признак значительного

ущерба, смягчив наказание до 3 лет 2 месяцев. Однако Шестой кассационный суд переквалифицировал действия на ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 159.3 УК РФ (покушение на мошенничество), назначив 10 месяцев лишения свободы в колонии-поселении – в три раза меньше первоначального срока. Верховный Суд РФ отменил это решение, указав на ошибочность переквалификации, и направил дело на новое кассационное рассмотрение [18]. Представленный пример показывает, как различная квалификация одних и тех же действий приводит к существенному различию в наказании: от 10 месяцев до 3 лет 3 месяцев лишения свободы. Особенность дела в том, что Верховный Суд подчеркнул отсутствие в действиях Ю.Ю. Кактана признаков мошенничества, так как он не вводил в заблуждение работников торговли, используя карту бесконтактно, что исключает обман или злоупотребление доверием. Судебная практика, включая изменения в УК РФ от 23 апреля 2018 года № 111-ФЗ, подтверждает, что кража с банковского счета (п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ) не требует активного обмана, в отличие от мошенничества по ст. 159.3 УК РФ. При назначении наказания суд учёл рецидив преступлений как отягчающее обстоятельство (п. «а» ч. 1 ст. 63 УК РФ), что обусловило назначение реального лишения свободы и повлияло на строгость наказания. Выводы из дела подчёркивают критическую важность точного применения норм УК РФ с учётом законодательных изменений и разъяснений Пленума Верховного Суда РФ для обеспечения справедливости наказания. Дело демонстрирует, как судебная практика уточняет критерии разграничения кражи и мошенничества в условиях цифровизации платежей, а также подчёркивает необходимость единообразного подхода к квалификации подобных преступлений для предотвращения необоснованного смягчения или ужесточения наказания.

Дело ФИО1, рассмотренное Свердловским областным судом, иллюстрирует, как изменение квалификации влияет на вид и размер наказания. Суть дела заключается в том, что ФИО1, находясь в состоянии алкогольного опьянения, незаконно проник через незапертую дверь в дом, принадлежащий потерпевшему Ш., и похитил имущество (печные дверцы, холодильник,

обогреватель) на сумму 5420 рублей, а также металлические предметы из двора дома. Карпинский городской суд квалифицировал действия ФИО1 по ч. 1 ст. 139 УК РФ (незаконное проникновение в жилище) и ч. 1 ст. 158 УК РФ (кража), назначив 340 часов обязательных работ – наказание, не связанное с лишением свободы. Прокурор в апелляционном представлении оспаривал квалификацию, настаивая на п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ (кража с незаконным проникновением в жилище). Свердловский областной суд отменил приговор, установив, что умысел на кражу возник у ФИО1 до проникновения в дом, что подтверждалось показаниями свидетелей и отсутствием правомерных оснований для нахождения в жилище. Действия были переквалифицированы на п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ, назначено 2 года лишения свободы в колонии общего режима – существенно более строгое наказание [24]. Рассмотренная ситуация демонстрирует, как различная квалификация – по совокупности ч. 1 ст. 139 и ч. 1 ст. 158 УК РФ или по п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ – приводит к разным видам наказания: от обязательных работ до реального лишения свободы. Особенность дела в том, что апелляционный суд исправил ошибку суда первой инстанции, который не учёл совокупность доказательств, опровергающих версию ФИО1 о спонтанном возникновении умысла на кражу уже после проникновения в дом. Судебная практика, включая п. 19 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29, акцентирует, что для квалификации по п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ необходимо установить умысел на хищение до проникновения в жилище. При назначении наказания апелляционный суд учёл повышенную общественную опасность кражи с проникновением в жилище, что отражено в более строгой санкции ч. 3 ст. 158 УК РФ по сравнению с ч. 1. Выводы из дела подчёркивают необходимость тщательного анализа доказательств. Дело также демонстрирует, как состояние алкогольного опьянения может быть учтено как отягчающее обстоятельство, влияющее на выбор наказания, и подчёркивает важность возврата похищенного имущества потерпевшему для смягчения последствий преступления. Кроме того, случай указывает на роль

апелляционного пересмотра в обеспечении справедливости наказания и предотвращении необоснованного смягчения ответственности.

Дело К. (Д.А. Куркина), рассмотренное Центральным районным судом г. Тольятти, демонстрирует важность правильной оценки динамики преступного деяния для справедливого назначения наказания. Суть дела заключается в том, что К. в магазине тайно похитил мужскую куртку стоимостью 2 500 рублей, принадлежащую ИП В., положив её в полиэтиленовый пакет и направившись к выходу, минуя кассу. Когда сотрудница магазина В.Н. заметила пропажу и потребовала вернуть куртку, К., осознавая, что его действия обнаружены, открыто удерживал похищенное и выбежал из магазина, скрывшись с места происшествия. Суд квалифицировал действия К. по ч. 1 ст. 161 УК РФ как грабёж, назначив 1 год 4 месяца лишения свободы в колонии строгого режима с учётом рецидива преступлений и частичным сложением с наказанием по предыдущему приговору, итоговое наказание составило 1 год 10 месяцев. Квалификация по ст. 161 УК РФ вместо ст. 158 УК РФ обусловила назначение реального лишения свободы, тогда как при квалификации по ч. 1 ст. 158 УК РФ могло быть назначено наказание, не связанное с лишением свободы [28]. Этот пример раскрывает важный аспект назначения наказания, иллюстрируя, как изменение характера действий влияет на квалификацию и, соответственно, на наказание. Особенность дела в том, что суд установил изменение характера действий К. с тайных на открытые в момент, когда сотрудница магазина потребовала вернуть похищенное, что соответствует разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29, указывающим, что грабёж начинается, когда виновный продолжает удерживать имущество, осознавая, что его действия перестали быть тайными. При назначении наказания суд учёл рецидив преступлений (п. «а» ч. 1 ст. 63 УК РФ) как обстоятельство, существенно повышающее общественную опасность деяния, что обусловило назначение реального лишения свободы в колонии строгого режима. Выводы из дела акцентируют необходимость чёткого разграничения кражи и грабежа

не только для правильной квалификации, но и для справедливого назначения наказания, особенно в ситуациях, когда преступление начинается как кража, но перерастает в грабёж из-за вмешательства третьих лиц. Различие в санкциях статей 158 и 161 УК РФ делает этот вопрос критически важным для определения вида и размера наказания.

Судебная практика демонстрирует важность разграничения кражи и грабежа по критерию осознания потерпевшим противоправного характера действий виновного. Апелляционным постановлением Красноярского краевого суда от 29 апреля 2025 года по делу № 22-2979/2025 подтверждена правильность квалификации действий осужденного как кражи, а не грабежа. Суд установил, что хищение мяса с территории фермы совершалось тайно: осужденный клал мясо в прицеп, минуя взвешивание, в то время как присутствующие лица не осознавали противоправность его действий. Факт хищения был обнаружен лишь позднее при просмотре записи камер видеонаблюдения. Суд указал, что обнаружение хищения впоследствии с помощью технических средств не свидетельствует о наличии грабежа, поскольку непосредственно в момент изъятия имущества потерпевший не осознавал совершаемого преступления и не предпринимал мер к его пресечению [5]. Данное решение подчеркивает, что квалификация по статье 161 УК РФ требует установления открытого характера хищения в момент его совершения, когда виновный осознает, что присутствующие понимают противоправность его действий.

Приведённые примеры демонстрируют многообразие ситуаций, связанных с уголовной ответственностью за кражу, и подчёркивают прямую зависимость между правильностью квалификации и справедливостью назначаемого наказания.

Судебная практика акцентирует необходимость точной квалификации с учётом объективных (тайность, способ хищения, место совершения) и субъективных (умысел, корыстная цель) признаков преступления. Разграничение кражи с мошенничеством, грабежом, находкой или иными

составами требует строгого следования разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ и Конституционного Суда РФ, а также учёта законодательных изменений, таких как введение ответственности за кражу с банковского счета. Особое внимание уделяется индивидуализации наказания с учётом всех обстоятельств дела и личности виновного, что обеспечивает реализацию принципов справедливости и гуманизма уголовного закона.

Роль апелляционного и кассационного пересмотра в обеспечении правильности квалификации невозможно переоценить – вышестоящие суды корректируют ошибки нижестоящих инстанций, обеспечивая единообразие судебной практики и защиту прав как потерпевших, так и обвиняемых.

3.3 Пути совершенствования уголовного законодательства об ответственности за кражу

Современное состояние уголовного законодательства об ответственности за кражу, несмотря на изменения и дополнения, внесённые в статью 158 УК РФ за период действия Кодекса, нуждается в дальнейшем совершенствовании. Развитие общественных отношений, появление новых технологий и способов совершения преступлений, изменение экономической ситуации в стране, а также накопленный опыт правоприменительной практики выявляют пробелы и противоречия в действующем законодательном регулировании, требующие устранения.

Одним из наиболее актуальных направлений совершенствования законодательства является корректировка стоимостных критериев разграничения административной и уголовной ответственности за хищения. Действующее законодательство устанавливает порог в 2500 рублей для отграничения административного правонарушения, предусмотренного статьёй 7.27 КоАП РФ, от уголовно наказуемой кражи по части 1 статьи 158 УК РФ. Однако данный критерий не отражает современных экономических

реалий и требует пересмотра с учётом инфляционных процессов и изменения покупательной способности денежных средств.

В.В. Цылин справедливо предлагает реформировать механизм административной преюдиции и пороговые суммы: «По нашему мнению, повторное совершение как административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 7.27. КоАП РФ, так и ч. 2 ст. 7.27. КоАП РФ, должно влечь за собой привлечение такого лица к уголовной ответственности по ст. 158.1. УК РФ» [37, с. 230]. Исследователь также выступает за привязку пороговых сумм к прожиточному минимуму, утверждая: «Более того, установление такого показателя позволит существенным образом снизить нагрузку на органы дознания» [37, с. 231]. Предложенный подход представляется обоснованным, поскольку привязка размера хищения к динамическим экономическим показателям обеспечит автоматическую актуализацию критериев разграничения ответственности без необходимости регулярного внесения изменений в законодательство.

Действительно, установление стоимостных критериев в твёрдых денежных суммах создаёт риск быстрого устаревания норм в условиях инфляции. Использование в качестве базового критерия прожиточного минимума или минимального размера оплаты труда, регулярно индексируемых государством, позволило бы обеспечить стабильность правового регулирования и соответствие уголовно-правовых норм экономическим реалиям. При этом важно учитывать, что подобный подход должен сопровождаться чёткими правилами определения момента, на который устанавливается размер базового показателя, во избежание неопределённости в правоприменении.

Вместе с тем внедрение динамических критериев требует тщательного анализа возможных последствий для правоприменительной практики. Необходимо предусмотреть механизмы, предотвращающие ситуации, когда изменение базового экономического показателя в период расследования уголовного дела может повлечь изменение квалификации преступления.

Представляется целесообразным закрепить в законе правило, согласно которому размер ущерба определяется исходя из значения базового показателя на момент совершения преступления, что обеспечит стабильность квалификации и соблюдение принципа законности.

Существенного внимания заслуживает проблема совершенствования статьи 158.1 УК РФ, устанавливающей ответственность за мелкое хищение, совершённое лицом, подвергнутым административному наказанию. С.М. Хоменко справедливо акцентирует внимание на пробелах в данной норме, отмечая, что несоразмерность порога уголовной ответственности по ст. 158 УК РФ (с 14 лет) и административной по ст. 7.27 КоАП РФ (с 16 лет) при идентичном способе тайного хищения приводит к тому, что кража на 2400 рублей остаётся безнаказанной для 14-летнего, а на 2500 рублей влечёт уголовное преследование, несмотря на минимальную разницу в общественной опасности [36, с. 118]. Данная конструкция создаёт правовую неопределённость и не обеспечивает должной дифференциации ответственности в зависимости от характера и степени общественной опасности деяния.

Распространение действия статьи 158.1 УК РФ на случаи повторного совершения любого мелкого хищения, независимо от того, по какой части статьи 7.27 КоАП РФ было назначено первое административное наказание, представляется обоснованной рекомендацией. Системное совершение мелких хищений свидетельствует о повышенной общественной опасности личности виновного и формировании устойчивой антиобщественной установки, что требует применения более строгих мер государственного принуждения. Криминализация повторного мелкого хищения независимо от стоимости похищенного при первом правонарушении соответствовала бы принципу индивидуализации ответственности и обеспечила бы более эффективное предупреждение рецидива имущественных преступлений.

Важным направлением совершенствования законодательства является расширение и уточнение системы квалифицирующих признаков кражи.

Д.В. Шумарин предлагает внести существенные изменения в конструкцию части 3 статьи 158 УК РФ: «Часть 3. Кража, совершенная: а) с незаконным проникновением в жилище, помещение или иное хранилище, а равно из одежды, сумки или другой ручной клади, находившихся при потерпевшем, из автомобилей и иных транспортных средств» [38, с. 426]. Исследователь также выступает за введение такого квалифицирующего признака, как совершение кражи «в условиях стихийных бедствий, эпидемий, пандемий, техногенных и иных катастроф» [38, с. 426]. Предложенная реконструкция системы квалифицирующих признаков заслуживает поддержки, поскольку направлена на устранение диспропорций в оценке общественной опасности различных способов совершения кражи. Действующая редакция статьи 158 УК РФ относит кражу из одежды, сумки или другой ручной клади, находившихся при потерпевшем, к квалифицирующим признакам части 2, тогда как кража с незаконным проникновением в жилище образует состав части 3. Между тем карманные кражи характеризуются высокой степенью профессионализма преступников, требуют специальных навыков и создают особую угрозу безопасности граждан в общественных местах, что обосновывает необходимость усиления ответственности за такие деяния.

Включение в перечень особо квалифицирующих признаков кражи из автомобилей и иных транспортных средств также представляется целесообразным. Хищения из транспортных средств получили широкое распространение и причиняют значительный материальный ущерб гражданам. Автомобили, особенно находящиеся на неохраемых парковках, представляют собой объекты повышенного криминального интереса, а технические средства защиты транспортных средств не всегда оказываются эффективными. Выделение данного квалифицирующего признака подчеркнёт повышенную общественную опасность таких краж и будет способствовать усилению их предупреждения.

Особого внимания заслуживает предложение о криминализации краж, совершаемых в условиях чрезвычайных обстоятельств – стихийных бедствий,

эпидемий, пандемий, техногенных катастроф. Совершение хищений в периоды, когда население находится в особо уязвимом положении, а государственные органы сосредоточены на ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций, характеризуется особым цинизмом и повышенной общественной опасностью. Опыт борьбы с преступностью в условиях пандемии COVID-19 продемонстрировал актуальность данной проблемы: участились случаи краж медицинского оборудования, средств индивидуальной защиты, лекарственных препаратов, хищений из временно оставленных жилищ эвакуированных граждан.

Введение данного квалифицирующего признака соответствовало бы международной практике и отвечало бы требованиям усиления защиты граждан в период чрезвычайных обстоятельств. Вместе с тем законодательное закрепление данного признака требует чёткого определения критериев чрезвычайных обстоятельств во избежание расширительного толкования. Представляется целесообразным установить, что кража признаётся совершённой в условиях чрезвычайных обстоятельств, если она совершена на территории, в отношении которой введён режим чрезвычайной ситуации в соответствии с федеральным законодательством, либо в период действия ограничительных мер, связанных с распространением заболевания, представляющего опасность для окружающих.

Важным направлением совершенствования законодательства является дифференциация ответственности с учётом личности потерпевшего. Так, например, пожилые граждане и лица, находящиеся в беспомощном состоянии, представляют собой особо уязвимую категорию потерпевших, которые не могут в полной мере защитить своё имущество от преступных посягательств.

Действующее законодательство недостаточно учитывает специфику преступлений, совершаемых в отношении таких лиц. Хищения у пожилых граждан нередко сопровождаются использованием их доверчивости, ограниченных физических возможностей, снижения когнитивных функций. Преступники целенаправленно выбирают в качестве жертв пожилых людей,

осознавая их уязвимость и меньшую вероятность эффективного сопротивления или последующего опознания. Криминализация таких деяний в качестве квалифицированного состава кражи усилила бы защиту данной категории граждан и оказала бы превентивное воздействие на потенциальных преступников. Установление единого возрастного порога может не в полной мере учитывать индивидуальные особенности потерпевших: некоторые лица сохраняют физическую и психическую активность и в более старшем возрасте, тогда как другие утрачивают способность к самозащите значительно раньше. Необходимо сформулировать данный квалифицирующий признак через понятие беспомощного состояния потерпевшего, определяемого с учётом его возраста, состояния здоровья и иных обстоятельств, что обеспечит гибкую и справедливую дифференциацию ответственности.

Перспективным направлением развития законодательства является совершенствование норм о краже с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Действующая редакция пункта «г» части 3 статьи 158 УК РФ устанавливает ответственность за кражу с банковского счёта, а равно в отношении электронных денежных средств. Однако стремительное развитие цифровых технологий порождает новые способы совершения имущественных преступлений, не охватываемые существующими нормами в полной мере.

Распространение получили хищения с использованием поддельных или украденных платёжных карт, фишинговых сайтов, вредоносных программ, нарушающих работу систем дистанционного банковского обслуживания. Совершенствование регламентации данных составов преступлений требует не только уточнения диспозиции статьи 158 УК РФ, но и разграничения кражи с использованием информационных технологий и мошенничества в сфере компьютерной информации (статья 159.3 УК РФ), поскольку на практике возникают значительные сложности в квалификации таких деяний.

Представляется целесообразным законодательно закрепить, что кражей признаётся тайное хищение денежных средств с банковского счёта или

электронных денежных средств, совершённое без воздействия на волю владельца счёта или уполномоченного лица кредитной организации путём несанкционированного доступа к информационным системам. Если же виновный использует обман или злоупотребление доверием, воздействуя на волю потерпевшего и побуждая его самостоятельно совершить операции по переводу денежных средств, содеянное образует мошенничество. Законодательное закрепление данного критерия разграничения устранило бы существующую правовую неопределённость и способствовало бы формированию единообразной судебной практики.

Существенное значение имеет совершенствование правового регулирования освобождения от уголовной ответственности за кражу. Статья 76.1 УК РФ предусматривает возможность освобождения от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности в случае возмещения ущерба. Однако её действие не распространяется на кражу, что создаёт правовую асимметрию и не стимулирует виновных к добровольному возмещению причинённого вреда.

Представляется целесообразным предусмотреть специальные основания освобождения от уголовной ответственности за кражу, совершённую впервые, при условии полного возмещения причинённого ущерба и заглаживания вреда, причинённого потерпевшему. Данная мера способствовала бы восстановлению нарушенных прав потерпевших, которые в настоящее время нередко остаются без реальной компенсации, поскольку виновные не имеют стимулов к добровольному возмещению ущерба до постановления приговора. Введение такого института обеспечило бы баланс между карательными и восстановительными целями уголовного наказания.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о совершенствовании норм о разграничении кражи и смежных составов преступлений. Постановление Конституционного Суда РФ от 12 января 2023 г. № 2-П внесло существенные уточнения в понимание кражи найденного имущества, однако законодательное закрепление выработанных правовых позиций в тексте УК

РФ или в примечаниях к статье 158 способствовало бы повышению определённости правового регулирования и доступности норм для правоприменителей и граждан.

Целесообразно дополнить примечания к статье 158 УК РФ положением, разъясняющим, что кражей признаётся тайное завладение обнаруженной чужой вещью, сопряжённое с её сокрытием или сокрытием её принадлежности другому лицу, совершённое лицом, имевшим реальную возможность незамедлительно вернуть вещь собственнику или уведомить его о находке, но не сделавшим этого с целью обращения имущества в свою пользу. Такое законодательное уточнение устранило бы правовую неопределённость и обеспечило бы единообразие правоприменительной практики.

Комплексный подход к совершенствованию законодательства об ответственности за кражу должен включать не только изменения уголовно-правовых норм, но и меры организационного и профилактического характера. О.В. Сотникова справедливо предлагает практические меры противодействия кражам: усиление патрулирования, установка камер видеонаблюдения и постов полиции [30, с. 225]. Эти профилактические меры направлены на создание условий, затрудняющих тайное изъятие имущества, и повышение вероятности обнаружения преступных действий.

Эффективность уголовно-правового противодействия кражам во многом зависит от комплексного подхода, сочетающего совершенствование законодательства, повышение эффективности правоприменительной практики и развитие системы профилактики преступлений. Улучшение технической оснащённости правоохранительных органов, внедрение современных средств видеонаблюдения и контроля, развитие информационных систем учёта похищенного имущества, повышение раскрываемости краж – всё это составляющие эффективной борьбы с имущественной преступностью. Важное значение имеет правовое просвещение граждан, информирование их о способах защиты имущества от преступных посягательств, о правовых последствиях совершения краж и о

механизмах восстановления нарушенных прав. Формирование правовой культуры населения, воспитание уважения к чужой собственности, развитие институтов гражданского общества, участвующих в профилактике правонарушений, создают социальную основу для снижения уровня имущественной преступности.

Подводя итоги третьей главы исследования, следует отметить, что исследование проблем квалификации и назначения наказания за кражу показало, что правильная юридическая оценка деяния имеет определяющее значение для справедливого применения уголовной ответственности. Отграничение кражи от смежных составов преступлений – грабежа, мошенничества, присвоения, неправомерного завладения транспортным средством – требует тщательного анализа способа совершения преступления, содержания умысла виновного и характера его отношения к похищаемому имуществу, при этом правовые позиции Конституционного Суда РФ и разъяснения Пленума Верховного Суда РФ играют ключевую роль в обеспечении единообразия правоприменительной практики. Анализ судебной практики показал прямую зависимость между правильностью квалификации и видом назначаемого наказания: различие между простым составом кражи и квалифицированными составами может приводить к назначению наказаний от штрафа до реального лишения свободы на длительный срок. Совершенствование законодательства об ответственности за кражу требует корректировки стоимостных критериев разграничения административной и уголовной ответственности с привязкой к динамическим экономическим показателям, расширения и уточнения системы квалифицирующих признаков с учётом современных способов совершения преступлений, дифференциации ответственности в зависимости от личности потерпевшего и обстоятельств совершения деяния, что будет способствовать повышению эффективности уголовно-правовой охраны собственности и формированию справедливой системы наказаний.

Заключение

Проведённый анализ общей характеристики кражи как вида хищения позволяет констатировать, что правовое регулирование данного института основывается на конституционных гарантиях защиты собственности и детализируется в нормах Уголовного кодекса Российской Федерации. Законодательное определение хищения, закреплённое в примечании 1 к статье 158 УК РФ, содержит совокупность объективных и субъективных признаков, позволяющих отграничить кражу от иных форм хищения и смежных преступлений. Специфика кражи определяется способом совершения преступления – тайностью изъятия имущества, оцениваемой через единство объективного и субъективного критериев. Эволюция законодательства об ответственности за кражу демонстрирует переход от казуистического регулирования к систематическому изложению норм, от классового подхода к равной охране всех форм собственности, однако выявляет и сохраняющиеся проблемы, связанные с правовой неопределённостью отдельных признаков состава преступления.

Уголовно-правовой анализ состава кражи выявил сложную структуру объективных и субъективных признаков, определяющих юридическую природу данного преступления. Объективная сторона кражи характеризуется тайным способом изъятия чужого имущества, при этом тайность определяется через единство объективного критерия (внешняя обстановка совершения преступления) и субъективного критерия (осознание виновным скрытности своих действий), причём приоритет отдаётся субъективному восприятию. Момент окончания кражи связывается с получением виновным реальной возможности распорядиться похищенным имуществом, что позволяет отграничить оконченное преступление от покушения. Субъективная сторона кражи характеризуется прямым умыслом и корыстной целью, при этом корыстный мотив не всегда совпадает с корыстной целью, что требует тщательного анализа при квалификации. Система квалифицирующих

признаков кражи, закреплённая в частях 2-4 статьи 158 УК РФ, отражает градацию общественной опасности деяний в зависимости от группового характера преступления, проникновения в охраняемые объекты, размера причинённого ущерба, что обеспечивает дифференцированный подход к назначению наказания и реализацию принципа справедливости уголовной ответственности.

Исследование проблем квалификации и назначения наказания за кражу показало, что правильная юридическая оценка деяния имеет определяющее значение для справедливого применения уголовной ответственности. Отграничение кражи от смежных составов преступлений – грабежа, мошенничества, присвоения, неправомерного завладения транспортным средством – требует тщательного анализа способа совершения преступления, содержания умысла виновного и характера его отношения к похищаемому имуществу, при этом правовые позиции Конституционного Суда РФ и разъяснения Пленума Верховного Суда РФ играют ключевую роль в обеспечении единообразия правоприменительной практики. Анализ судебной практики показал прямую зависимость между правильностью квалификации и видом назначаемого наказания: различие между простым составом кражи и квалифицированными составами может приводить к назначению наказаний от штрафа до реального лишения свободы на длительный срок. Совершенствование законодательства об ответственности за кражу требует корректировки стоимостных критериев разграничения административной и уголовной ответственности с привязкой к динамическим экономическим показателям, расширения и уточнения системы квалифицирующих признаков с учётом современных способов совершения преступлений, дифференциации ответственности в зависимости от личности потерпевшего и обстоятельств совершения деяния, что будет способствовать повышению эффективности уголовно-правовой охраны собственности и формированию справедливой системы наказаний.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Агапова Д.М. Уголовная ответственность за кражу в уголовном праве России в период становления советского государства // Юридический факт. 2020. № 98. С. 38-40.
2. Амиянц К.А., Кунижева И.Х. Понятие хищения в современном уголовном законодательстве России, его формы и виды // Аллея науки. 2018. Т. 3, № 4(20). С. 821-824.
3. Апелляционное постановление Владимирского областного суда № 22-1025/2025 от 27 мая 2025 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/icvtqAKA5TVW/> (дата обращения: 15.10.2025 г.).
4. Апелляционное постановление Забайкальского краевого суда Забайкальского края от 29 апреля 2019 г. по делу № 22-1178/2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/fO40jlrBkTхu/> (дата обращения: 11.01.2025 г.).
5. Апелляционное постановление Красноярского краевого суда от 29 апреля 2025 года по делу № 22-2979/2025 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/hDEwNgWdfDbc/> (дата обращения: 15.10.2025 г.).
6. Боровиков А.В. Понятие и признаки хищения // Юридический факт. 2020. № 122. С. 45-49.
7. Гаглов З.Д., Рассказов М.Ю. Квалифицирующие признаки кражи // Бюллетень Владикавказского института управления. 2025. № 70. С. 66-75.
8. Гужвенко С.У. Понятие и квалифицирующие признаки кражи // E-Scio. 2023. № 1 (76). С. 427-431.
9. Довгань Е.А., Биднюк Н.В., Белова С.Н. Ответственность за кражу в уголовном законодательстве некоторых зарубежных стран // Закон и право. 2022. № 2. С. 28-30.
10. Дуюнов В.К. Уголовное право России. Общая и Особенная части : учебник / Под ред. д-ра юрид. наук, профессора В.К. Дуюнова. - 7-е изд. - М. : РИОР : ИНФРА-М, 2026. 748 с.

11. Ершова О.П. Формы и виды хищений в уголовном праве России // Юриспруденция XXI века: позиции закона, доктрины и практики : Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Иркутск, 01 марта 2023 года. Иркутск : Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2023. С. 38-46.

12. Клепицкий И.А. Что не так с понятием хищения? // Уголовное право. 2023. № 12(160). С. 23-40.

13. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 23.05.2025) [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 31.05.2025 г.).

14. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 31.05.2025 г.).

15. Митяев В.В. К вопросу о квалифицирующих и особо квалифицирующих признаках кражи // NovaUm.Ru. 2020. № 28. С. 126-129.

16. Назаренко Г.В. Курьёзы толкования уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за кражу // Вестник Югорского государственного университета. 2023. № 2(69). С. 83-88.

17. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2024) (ред. от 27.11.2024) [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_477436/ (дата обращения: 11.01.2025 г.).

18. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 29.09.2020 № 12-УДП20-5-К6 [Электронный ресурс]. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-29092020-n-12-udp20-5-k6/> (дата обращения: 11.01.2025 г.).

19. Палагина Н.С., Бровкин Д.В., Белова С.Н. Законодательство некоторых зарубежных стран и уголовная ответственность за кражу // Государственная служба и кадры. 2021. № 4. С. 131-133.

20. Постановление Конституционного Суда РФ от 12.01.2023 № 2-П «По делу о проверке конституционности статьи 227 Гражданского кодекса Российской Федерации, части первой и пункта 1 примечаний к статье 158 Уголовного кодекса Российской Федерации, статей 75, 87 и 88 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А.В. Галимьяновой и В.С. Пузрякова». [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_437511/ (дата обращения: 31.05.2025 г.).

21. Постановление Конституционного Суда РФ от 31.03.2023 № 13-П «По делу о проверке конституционности пункта «б» части второй статьи 158 Уголовного кодекса Российской Федерации и части первой статьи 17 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.С. Великанова» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_443704/ (дата обращения: 31.05.2025 г.).

22. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 (ред. от 15.12.2022) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_40412/ (дата обращения: 31.05.2025 г.).

23. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 (ред. от 15.12.2022) «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате». [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_283918/ (дата обращения: 31.05.2025 г.).

24. Приговор Свердловского областного суда Свердловской области № 22-1925/2020 от 22 апреля 2020 г. [Электронный ресурс]. URL:

<https://sudact.ru/regular/doc/1PznSKVFp7LJ/> (дата обращения: 11.01.2025 г.).

25. Приговор Сут-Хольского районного суда от 28 апреля 2025 г. по делу № 1-43/2024 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/xXOLWhVACuVO/> (дата обращения: 15.10.2025 г.).

26. Приговор Тулунского городского суда Иркутской области от 28 апреля 2025 года № 1-103/2025 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/XluKrvpz721z/> (дата обращения: 15.10.2025 г.).

27. Приговор Фрунзенского районного суда г. Ярославля от 25 апреля 2025 года по делу № 1-72/2025 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/CikAoDdghL6C/> (дата обращения: 15.10.2025 г.).

28. Приговор Центрального районного суда г. Тольятти Самарской области от 29 июля 2020 г. по делу № 1-335/2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/d17PMRCEgeQO/> (дата обращения: 11.01.2025 г.).

29. Селяков Н. А., Рогов С. Д. К вопросу о классификации форм хищения в уголовном законодательстве РФ // На пути к гражданскому обществу. 2020. № 4 (40). С. 109-112.

30. Сотникова О.В. Уголовная ответственность за кражи и совершенствование мер борьбы с ними // Синергия Наук. 2020. № 54. С. 220-243.

31. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. Данные судебной статистики [Электронный ресурс]. URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79&item=2074> (дата обращения: 11.10.2025 г.).

32. Телицин А.А. Субъективные признаки кражи по законодательству Российской Федерации // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 3-3 (66). С. 78-82.

33. Титаренко А.П., Овинников В.А. Понятие и сущность хищения в российском уголовном законодательстве // Социальная компетентность. 2021. Т. 6, № 4 (22). С. 378-389.

34. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть : учебник

/ под ред. проф. Л.В. Иногамовой-Хегай. 3-е изд., перераб. и доп. - М. : ИНФРА-М, 2026. 407 с.

35. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 21.04.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 02.05.2025) [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/10108000/> (дата обращения: 31.05.2025 г.).

36. Хоменко С.М. Проблемы применения законодательства об уголовной ответственности за кражу и мелкое хищение // Право и государство: теория и практика. 2022. № 3(207). С. 118-121.

37. Цылин В.В. Актуальные проблемы уголовной ответственности за кражу // Современность в творчестве начинающего исследователя : Материалы научно-практической конференции молодых ученых, Иркутск, 24 марта 2023 года. Иркутск: Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2023. С. 229-232.

38. Шумарин Д.В. К вопросу о совершенствовании Уголовного законодательства об ответственности за кражу // Наукосфера. 2023. № 6-1. С. 422-427.